

ЛЮРЬЕ

ЗЕРКАЛО НАД БЕЗДНОЙ

РОМАН-ВЕРСИЯ

Олег Анатольевич Лурье

Зеркало над бездной

Серия «Исторические приключения»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64234807

Зеркало над бездной: Яуза-каталог; М.; 2021

ISBN 978-5-00155-310-6

Аннотация

Президент Кеннеди убит женщиной, а не подслеповатым Ли Харви Освальдом... Организатор терактов 11 сентября 2001 года находился всего в 500 метрах от рушащихся небоскребов... Покушение на Папу Римского Иоанна Павла II – прикрытие многомиллиардных банковских афер... Эти и другие глобальные преступления оказались связаны между собой одной цепью...

На вопросы, которые еще недавно считались риторическими, а порой даже запретными, отвечает роман-версия известного журналиста Олега Лурье. Эта книга основана на фактах и доказательствах, полученных автором в результате многолетних международных журналистских расследований. Среди действующих лиц, как вымышленные и зашифрованные персонажи, так и реальные люди под своими настоящими именами – от олигархов, действующих политиков, банкиров, служителей Ватикана до лидеров национальных и мировых преступных синдикатов.

Содержание

Первая опасность. Париж. 2018 год	5
Начало. Вашингтон. Двумя неделями ранее	9
Архив Маршалла» Фотографии и совпадения	23
Прощайте, президент Кеннеди. Даллас. 22 ноября 1963 года	45
Появление Контролера. Париж	69
Джия	80
Его Святейшество выжил. Ватикан. 13 мая 1981 года	105
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Олег Анатольевич Лурье

Зеркало над бездной

«Он обнаружил в зеркале лицо, которое само в известном смысле есть зеркало».

(Иосиф Бродский)

© Лурье О.А., 2021

© ООО «Яуза-каталог», 2021

Некоторые персонажи романа-версии «Зеркало над бездной» реальны и представлены под своими настоящими именами, у иных имена и особые приметы изменены, а остальные полностью придуманы автором – и любые совпадения случайны.

Значительная часть событий происходила в действительности, отдельные фрагменты – результат многолетнего авторского расследования, однако ряд действующих лиц и связующие их нити являются вымыслом и авторской версией.

2020 год

Первая опасность. Париж. 2018 год

Через открытое окно в гостиничный номер врвался гул полуденного Парижа. Казалось, несмолкающие голоса праздных туристов звучат уже внутри комнаты, а вой полицейской сирены заглушает их в строго отмеренное время – с минутными промежутками. То ближе, то дальше. Июньское густое тепло вливалось в номер, едва шевеля легкую занавеску.

Макс Малин, лежа на огромной кровати, понимал, что нужно закрыть окно и включить кондиционер, но искусственная тишина с такой же искусственной прохладой представлялись ему еще более невыносимыми. Телевизор? Нет. К черту. Заранее известно все, что они скажут. Виски? Рано. Может, пройтись – и кофе? Это уже лучше.

Он встал и, выходя из номера, заглянул в большое зеркало. На него смотрел тридцатипятилетний черноволосый мужчина из тех, которые так нравятся молодым девчонкам, насмотревшимся фильмов о Джеймсе Бонде. Подтянутый, выше среднего роста, одетый в голубые джинсы и такую же майку, под которой просматривалась тренированная жилистая фигура. Глубоко посаженные темные глаза, легкая небритость и седина, окрасившая его густую шевелюру еще с непростых армейских лет. В итоге Макс, щепетильно относящийся к собственной внешности, остался удовлетворенным

отражением, и, проведя рукой по волосам, вышел из гостиничного номера.

У входа в отель «Лотти», что на Рю-Де-Костильон, Малин осмотрелся и, обойдя суемящуюся группку японцев, обвешенных фотоаппаратами, направился к ближайшему кафе на другой стороне Сен-Оноре. Но вдруг на середине пешеходного перехода странный вибрирующий шум двигателя перекрыл гул остальных автомобилей и голоса туристов, раздававшиеся за спиной. Серебристый «Пежо», внешне ничем не отличающийся от своих парижских собратьев, притормозивших у светофора, вырвался на красный свет и, чуть изменив траекторию движения, помчался прямо на Макса. Все произошло за несколько секунд, вдруг перешедших из времени в пространство и зависших в нем. Когда до машины оставалось меньше метра, тренированное тело Макса само по себе, вне его контроля сделало почти невозможный прыжок назад, уйдя от удара и свалив с ног маленького японца, идущего следом.

Автомобиль, не снижая скорости, вывернул к Вандомской площади и исчез за поворотом. Макс встал и помог подняться перепуганному жителю Страны восходящего солнца. Подбежали еще несколько взволнованных экскурсантов. Они что-то быстро залопотали на японском, собирая разлетевшиеся фотоаппарат и планшет, потом один из них, тот самый, которого толкнул Малин, перешел на английский.

– Вы целы? Это был, наверное, пьяный или наркоман...

Где полиция? Вы номер запомнили?

– Со мной все хорошо, – выдохнул Макс, – извините, что сбил вас с ног, но у меня не оставалось выхода. Номер, к сожалению, я не запомнил, поэтому полицию вызывать бессмысленно.

Через пару минут он, приняв большую дозу сочувствия японцев и распрощавшись с ними, вернулся в отель. Малина слегка потряхивало, но он все же выжал из себя улыбку и по журналистской привычке мысленно сам себе прокомментировал ситуацию:

– Ну, попытались ударить машиной. И что? Чего же так колотит? Видно, отвык за последние годы от экстрима. Раньше, когда носил зеленый берет, даже пули так не пугали, как этот сегодняшний «Пежо» на перекрестке. Новая работа совсем расслабила, но кое-какие рефлексy, видимо, остались навсегда. Хоть это радует.

В маленьком кафе-бассери, что находилось наискосок от «Лотти», Макс пристроился за угловым столиком под ярко-красным навесом. Кофе, пожалуйста. А после этого проклятого «Пежо» еще и двойной коньяк. На третьем глотке обжигающего напитка пискнул планшет, извещая о поступившем письме, – кто-то вспомнил о существовании Малина.

Да это же Ричард – начальник отдела расследований «Вашингтон Пост» и непосредственный начальник Макса! Письмо пришло с анонимного айпи-адреса и оказалось под-

писано неким «Х» — это был их код, которым они пользовались лишь в самом крайнем случае.

«Проблемы. Чарльз попал в аварию. Я ухожу. Тебя ищут, исчезай. По решению главного, у нас ты уже не работаешь, так как «пытался опубликовать ложную информацию». С Главным уже беседовали. Найди меня старым методом. Всегда твой Х.»

Ну вот, похоже, началось то, о чем предупреждал Ричард. Нет. Все началось гораздо раньше. Этой весной...

Начало. Вашингтон.

Двумя неделями ранее

Тогда ему, Максу, сыну российских иммигрантов, приехавшему в шестилетнем возрасте в Америку из Санкт-Петербурга, впоследствии выпускнику Гарварда и бывшему морпеху, к тридцати пяти годам ставшему одним из ведущих журналистов «Поста», привалила очередная удача.

Его коллеги считали большинство сенсационных журналистских расследований Малина просто удачным стечением обстоятельств и того, что Макс всегда оказывался в нужном месте в нужное время. Но мало кто знал, что каждая «бомба» была результатом кропотливой и порой бессмысленной работы, когда, как старатель, перебиваешь тонны речного песка – и только на дне сотого или даже тысячного лотка блеснет несколько крупинок долгожданного металла. А потом начинается разработка золотой жилы – осторожно и медленно, перепроверя каждую мелкую деталь и соединяя то, что на первый взгляд в принципе не должно соединяться.

То, чем занимался Макс, знал полностью – или почти полностью – только его шеф Ричард Бервик – старейший и опытнейший газетчик, работавший в «Посте» еще со времен Уотергейта¹. Несмотря на разницу в возрасте, они подружи-

¹ Политический скандал в США 1972–1974 годов, закончившийся отставкой

лись, и холостяк Макс, единственный из всей журналистской команды, частенько приглашался на воскресные семейные обеды Бервиков, проходившие в небольшом особняке в Гловер-Парке.

Но вернемся к апрельской удаче. Ранним утром, когда солнце ломилось в плотно закрытые окна, сберегавшие прохладное гудение кондиционеров, и думалось совсем не о работе, а о чашке кофе и первой сигарете, раздался пронзительный писк редакционного телефона. Мужчина говорил с легким восточным акцентом и, представившись Чарльзом, сообщил, что располагает уникальными документами, которые готов показать при личной встрече.

– Я хочу говорить только с Максом Малиным. Это же вы? Правда?

– Ну, разумеется, если вы мне звоните в редакцию и вас соединяют со мной, – несколько раздраженно ответил Макс, – то, разумеется, вы говорите именно со мною, а не с президентом Трампом.

– У меня есть копия архива, который разыскивают все, – медленно произнес человек, представившийся Чарльзом. – Не могу рассказать по телефону, так как слушают всех, а вас,

президента страны Ричарда Никсона. Журналисты «Вашингтон Пост» узнали о противозаконных действиях ряда лиц в связи с попыткой установить подслушивающие устройства в штаб-квартире Демократической партии в Вашингтоне в ходе президентской избирательной кампании 1972 года. Единственный за всю историю США случай, когда президент прижизненно досрочно прекратил исполнение своих обязанностей.

журналистов, особенно. Не пожалейте получаса времени – и давайте встретимся. Уверен, что вам понравится.

В два сорок пять пополудни Малин сидел в кафе неподалеку от Капитолийского холма и размышлял о шансах на удачу. Его, популярного журналиста, нередко осаждали всевозможные психи с рассказами об инопланетянах и тайном российском супероружии, вживленном каждому американцу в мозг. Особая активность у этой публики наступала аккурат к весеннему обострению. Но не все было так плохо. Иногда «ходоки» действительно приносили такие уникальные документы, видеозаписи и сведения, что от одного только осознания ценности информации холодок обрывался и падал где-то внизу живота. Внутреннее чутье подсказывало Максу, что и в этот раз произойдет то же. Во всяком случае, очень хотелось бы – сенсационных расследований газета не публиковала уже второй месяц.

Ровно в три часа к столику подошел невысокий смуглый мужчина лет пятидесяти. Он производил весьма странное впечатление – строгий костюм не гармонировал с внешностью бедуина, а нарочито правильный английский входил в диссонанс с сильным восточным акцентом.

– Макс, добрый день. Сразу вас узнал, хотя на фото вы выглядите несколько старше. Я Чарльз.

– Привет. Присаживайтесь. Кофе? Воду?

– Спасибо. Кофе, пожалуй. Здесь он лучший в городе.

После того как официант принес заказ, они еще несколь-

ко минут просидели молча, смакуя действительно великолепный кофе, который подавали только тут. А потом Чарльз вдруг странно встрепенулся, как будто что-то вспомнив, и быстро заговорил:

– Меня к вам никто не направлял, и я никого не представляю, кроме себя самого. В моем распоряжении оказалась полная копия архива, который уже очень давно интересует журналистов. Вот, посмотрите несколько страниц...

Он протянул Малину листки с убогим текстом, которые легкий ветерок тут же попытался вырвать из его рук. Собеседники одновременно подняли глаза друг на друга – и оба заулыбались. Тонкий лучик контакта соединил их.

Макс медленно читал, и его брови изгибались в удивленную дугу: *«Изучая трагедию, произошедшую 11 сентября 2001 года, я, капитан ВВС Соединенных Штатов Америки Филипп Маршалл, прихожу к выводу, что теракт, уничтоживший здания ВТЦ в Нью-Йорке, организован не «Аль-Каидой» или какими-то иными организациями, действующими по заказу. Это преступление организовала некая сторонняя структура, которой руководил англоязычный мужчина, вероятно, по заданию спецслужб США или же их отдельных представителей, выступающих в качестве посредников. Остальные участники, включая и арабских террористов, были лишь соисполнителями (некоторые наемными, а «камикадзе» – идеологическими). Я доказал существование этой организации и ее причастность к организации взрывов.*

Мую уверенность в этом подтверждают аудиозапись телефонного разговора, сделанная за два часа до падения самолетов, которая почему-то не попала ни в один доклад ни одной комиссии по расследованию, а также некоторые иные доказательства и мои логические заключения».

Макс поднял глаза и медленно, с расстановкой произнес:

– Если я не ошибаюсь, то вы предлагаете мне исчезнувший архив покойного Филиппа Маршалла²?

– Да. Вы совершенно правы.

– Повторю вопрос еще раз и по слогам. У вас имеется архив Маршалла, найденного убитым вместе с двумя детьми, чью смерть пытаются нам впарить под видом самоубийства? Того самого Маршалла, который самостоятельно расследовал теракты 11 сентября и пришел к выводу о том, что заказчиками были высокопоставленные американцы? Того самого Маршалла, который уже выпустил несколько книг об этом, а перед смертью заявил, что обладает сенсационной информацией? Я правильно вас понимаю, Чарльз?

– Да, да и еще раз да. Архив в цифровой копии. Вас устро-

² Филипп Маршалл – бывший пилот ВВС США, написавший несколько книг, расследующих события 9/11, был найден застреленным в собственном доме со своими детьми в марте 2013 года. Полиция США обнаружила убитым самого писателя, двоих его детей и собаку. Обстоятельства жестокой расправы не подтверждают официальную версию о самоубийстве. Гибель Маршалла случилась накануне выхода его новой книги о событиях 9/11, которую сам писатель называл «бомбой». В ней должна была быть опубликована ключевая информация к раскрытию тайны взрывов зданий Всемирного торгового центра. Архив Маршалла исчез.

ит?

– Как он к вам попал – и что вы за него хотите? – Малин почувствовал внутреннюю мелкую дрожь, такой удачи он не ожидал. Это просто бомба!

– На первый вопрос могу ответить лишь приблизительно, – тихо заговорил Чарльз. – Скажем так: я находился неподалеку, когда с этим человеком и его семьей случилось несчастье. Мне удалось сделать копию с жесткого диска его компьютера, который никуда не исчезал, а был изъят ФБР, проводившим расследование. Больше ничего сказать не смогу. И теперь второе. Я хочу пятьдесят тысяч долларов – и чтобы вы сразу же забыли обо мне. Устраивает?

– Устраивает, – Макс почувствовал внутреннее напряжение охотника, который уже выследил зверя – и ему осталось только сделать меткий выстрел. – Мне нужны сутки на решение вопроса с деньгами. Как найти вас завтра?

– Это уже сложнее, но давайте попробуем. Дайте мне номер своего сотового, и я вам позвоню в это же время. И еще... Вы гарантируете мне, что завтра мой звонок не будут ждать АНБ, ФБР или полиция? Гарантируете, что со мной не случится того, что произошло с Маршаллом? Если что-то пойдет не так, я пойму и сразу исчезну, и вы меня больше никогда не увидите. Как и архив Маршалла. Вы уже поняли, что я специалист.

– Чарльз, это моя работа, которую я очень люблю и которой дорожу. Мне важно сделать сенсацию, и я ее сделаю. А

про наш разговор будут знать только мой непосредственный шеф и главный редактор, без команды которых я не смогу получить для вас деньги.

Мужчина, представившийся Чарльзом, молча кивнул.

Через минуту они вышли из кафе. Тысячи вашингтонских клерков, бегущих по неотложным делам, перекрикивающих и что-то жующих на ходу, приняли их в свой поток, и вскоре Макс потерял из вида своего недавнего собеседника, который действительно был настоящим профессионалом. Профессионалом, которому срочно понадобились деньги.

Малин не спеша шел к зданию редакции, погружившись в размышления. Это было странное и знакомое чувство, когда осознаешь, что поймал удачу, но что-то темное, пульсирующее где-то под ребрами, не давало покоя и давило изнутри. Какой-то маленький сгусток сомнений прятался в глубине, звенел смутными подозрениями и не давал насладиться очередным успехом. А может, это предчувствие? Так порой бывает, когда даже нелепые случайности неожиданно складываются в большую удачу, и ты замираешь, вдруг осознавая, что все это только начало чего-то совсем иного – большого и опасного.

Журналист сразу же поднялся к Ричарду на третий этаж, застав своего шефа за очередной порцией пончиков с кофе.

– Представь себе, Макс, не могу избавиться от этой гадости. Понимаю, что нельзя. Понимаю, что вес уже почти равен росту, но так их люблю...

– Который год ты уже борешься с этой страстью? Но она сильнее тебя. Так что сдавайся. Если страсть нельзя победить, то надо ей отдаться и получать удовольствие.

– Нет, мой юный друг, нельзя сдаваться. Тебя же так учили в Форт-Дэвенсе? Вот и я пытаюсь не сдаваться – и сейчас даже поделюсь с тобой последним пончиком...

Но через минуту балагур и любитель пончиков, добродушный толстяк Ричард превратился в того самого Железного Бервика, которого знало и боготворило не одно поколение журналистов-расследователей.

– Ладно. Давай по делу. Что-то серьезное?

– Ричард, сядь, – Макс положил перед шефом несколько страничек, переданных ему Чарльзом. – Представляешь, он предлагает нам копию исчезнувшего архива Филиппа Маршалла. Пару умозаключений мне этот Чарльз показал. В них покойный Маршалл утверждал, что имеет доказательства, будто «девять-одиннадцать» организовал некий американец по заказу больших людей из Вашингтона. А все эти арабы были лишь слепым орудием в его руках. Там есть даже кое-какие записи. Ты же знаешь, что Маршалл двенадцать лет рыл землю в поисках подтверждения своей версии о реальных заказчиках и исполнителях теракта 2001 года. Некоторые доказательства у него были и раньше, но после его публикаций они отметались властями как нереальные и случайные.

– Думаешь?

– Да, Ричард, думаю. И чувствую, что Филипп на этот раз обнаружил что-то серьезное. И за это поплатился жизнью. И его дети тоже.

– И собака... Официальная версия его смерти базируется на том, что он, находясь в помутненном рассудке, застрелил своих детей, а потом свел счеты с жизнью. Не смейся, циник! Я понимаю, что при таких высоких ставках любая самая идиотская версия правительства становится для следствия единственной. В смерти Маршалла адское количество нестыковок плюс исчезновение архива... Чего хочет этот Чарльз?

– Ну, во-первых, по моему мнению, он такой же Чарльз, как я Хиллари Клинтон. Я уверен на сто процентов, что этот тип из спецслужб и имеет непосредственное отношение к стиранию с лица земли семейства Маршалла. В суете он успел скопировать архив, который, полагаю, убийцы унесли с собой. Здесь интерес Чарльза совершенно меркантильный, и это сразу видно. Просит пятьдесят тысяч долларов и готов завтра же отдать копию архива.

Ричард задумался, грузно упав в кресло, скрипнувшее под его более чем сотней килограммов, и принялся рассуждать:

– У нас есть фонд на приобретение подобного рода материалов, но такой большой суммой я не располагаю. Надо идти к главному редактору. Но, честно говоря, если материал состоится, то мы войдем в жесточайший конфликт с Госдепом, АНБ, ФБР и многими другими, наделенными властью и возможностями. Слишком большая тема – и я думаю, что

главный может обделаться и дать заднюю.

— Хотя стоп! — после небольшой паузы продолжил Бервик. — Мы можем подать эту историю как свою, журналистскую версию и потом торжественно передать все документы в Комиссию. Пусть там перепроверяют, анализируют и в итоге дружно похоронят всю информацию. При таком варианте может и пройти... Ладно, сиди здесь, я пошел просить денег.

Без малого час Макс мерил кабинет широкими шагами. Дурацкая привычка ходить из угла в угол раздражала всех его знакомых, но его самого успокаивала и позволяла выстроить мысли в нужном направлении.

Однако сейчас никак не получалось думать о документах, об одиннадцатом сентября и очередной сенсации. Почему? Взгляд упал на календарь на столе. Господи, как же можно было забыть! Сегодня, 26-го — день рождения папы, ему исполнилось бы... Сколько же? Семьдесят два получается... Малина захлестнул поток воспоминаний, перетекающих одно в другое, складывающихся в сверкающую мозаику и вызывающих из тумана давнее прошлое, запорошенное снегом времени.

Вот он, восьмилетний мальчишка, едет с родителями на такси по морозному Питеру, прощаясь с городом, как тогда казалось, навсегда. Мама тихо плакала, а отец, сжав зубы, молча смотрел в окно, держа сына за руку. А потом вдруг ожесточенно и незнакомо сказал:

— Максимка, я так люблю этот город. До боли. А мы сейчас

уезжаем отсюда навсегда, черт знает куда, за океан. В неведомое. Уезжаем из их социалистического мрака. Уезжаем ради тебя, чтобы ты рос в свободном, надеюсь, мире. И, наверное, ради науки, которой я смогу заниматься там, в Штатах. Но знаешь, Макс, меня мучает одно – а вдруг мы с матерью сейчас делаем самую большую ошибку в своей жизни? А вдруг тут все изменится? Ты когда-нибудь нам это простишь?

Максим улыбался, как улыбаются дети чему-то грядущему, неизвестному и, наверное, радостному, и молча кивал отцу, прижимаясь щекой к его большой руке. И в памяти Макса Малина навсегда отпечатался черно-белый снимок Ленинграда с пролетающей в окнах машины заснеженной Невой и острой иглой Петропавловки, пронзающей серое утреннее небо. Это был 1986 год.

Прошло 28 лет. Отец, знаменитый математик, профессорствовавший в Вашингтонском университете, умер от инсульта в 98-м, так никогда и не увидев снова свой любимый Ленинград, теперь уже Санкт-Петербург. А мама ушла через год, попав в совершенно нелепую дорожную аварию. Максим Малинин, превратившись в Макса Малина, и благополучно закончив Гарвард, пару лет работал фрилансером в столичных газетах. Но вскоре бросил все и, решив попробовать себя в чем-нибудь, как ему тогда казалось, посерьезней, оказался в армии.

Успешно прошел Army Physical Fitness Test³ и, восхи-

³ Физические испытания Фитнеса (APFT) предназначены для тестирования

тив инструкторов своей физической подготовкой и владением искусством рукопашного боя кекусинкай, был зачислен в силы специального назначения Армии США. Став «зеленым беретом», Малин целый год обучался искусству войны в Форт-Брегге и Форт-Дэвенсе⁴, а потом отправился защищать интересы страны в составе 10-й группы, базирующейся в немецком Штутгарте. Участвовал в уничтожении террористов в так называемых миротворческих и гуманитарных операциях, где прошел через кровь и смерть. Кровь свою, а смерть чужую.

Зимой 98-го Малин вернулся в Вашингтон – холодный и молчаливый город, самодовольный и гордо несущий свое бессмысленное столичное величие.

Макс поселился в родительском доме, полностью переоборудовав его в современную холостяцкую берлогу с минималистской мебелью, и устроился стажером отдела расследований в «Вашингтон Пост». А уже через год первое расследование Макса о коррупционных связях чиновников министерства обороны с производителями военной электроники буквально взорвало информационное пространство и повлекло за собой увольнения четырех высокопоставленных чиновников, двое из которых вскоре оказались в тюрьме. Потом были новые громкие расследования. Вскоре появи-

мышечной силы, выносливости, сердечно-сосудистой системы и органов дыхания солдат в армии Соединенных Штатов.

⁴ Военные базы воздушно-десантных войск США.

лись надежные контакты в различных структурах – от чиновников Белого дома до самых настоящих гангстеров. В жизнь Малина пришли сотни людей, набивающихся в друзья, и откровенные враги. И те и другие улыбались совершенно одинаково. В 2007-м первая Пулитцеровская премия, потом Афганистан, Ирак и так-далее.

Кровь, кровь и боль. Сколько же их было... Как же тогда кричал смуглый мальчишка лет двенадцати с простреленным животом, из которого вываливались внутренности. Кричал на таких высоких нотах, что Макс, оказавшись рядом и осознав, что пацану уже не помочь, не выдержал. Одним коротким ударом ехон нукитэ⁵ Малин навсегда прервал его страдания.

Воспоминания сбились в сплошную мелькающую ленту и замерли стоп-кадром. В кабинет ворвался Ричард Бервик – большой, шумный и окрыленный успехом.

– Все, старина! Будут деньги твоему Чарльзу, а мы получим сенсацию десятилетия. Хотя и в несколько урезанном виде... Короче, главный дергался между желанием получить твой суперматериал и страхом получить по своей толстой заднице от госдепартамента и ФБР. Но я убедил его. Он даже взял тайм-аут на размышление, и я двадцать минут просидел у него в приемной. Представляешь, я, Железный Бервик, си-

⁵ Ехон нукитэ («Рука-копье», Кончики четырех пальцев) – для нанесения удара используются кончики четырех пальцев руки, напряженных и слегка согнутых в суставах. При должном умении Ехон нукитэ становится смертельным оружием.

жу на маленьком стульчике в приемной! Потом зовет меня и говорит, что согласен. Но условия поставил следующие: все полученные материалы он сначала изучает сам, а потом твой окончательный текст тоже идет непосредственно через него. Ты готовишь статью, где все подается только в качестве версии, и заканчиваешь ее вопросительными знаками. Должно быть много вопросительных знаков и никаких стопроцентных утверждений. Понял?

– Понял, Ричард. Все как обычно: и сенсацию получить, и не огрести по заднице. Когда деньги?

– Завтра утром получаешь пятьдесят в кассе, потом встречаешься с Чарльзом, все забираешь и сразу же делаешь три полных копии архива. Одну передашь лично главному редактору. Понял? Действуй.

– А вторую копию кому?

– Очередная удача плохо сказалась на твоих умственных способностях. Вторая копия для меня. Третью оставишь у себя. Все. Звони.

Архив Маршалла»

Фотографии и совпадения

Вечером, в то печальное время, когда последние уставшие лучи почти уже летнего солнца окончательно растворяются в зыбких сумерках, Макс Малин сидел на низком продавленном диване в кабинете, занимавшем почти все пространство первого этажа в его небольшом жилище. Компьютер на таком же низком столике соседствовал с пузатым коньячным бокалом, который вот уже второй час стоял нетронутым.

Сегодня, получив деньги в редакции и дождавшись звонка Чарльза, Макс, как ему казалось, весьма удачно и незаметно для посторонних глаз совершил обмен пакета с пятью пачками банковских купюр на флеш-накопитель с предполагаемым «архивом Маршалла». И сейчас, дома, он пытался разобраться в сотнях файлов, где были даже секретные материалы «Национальной комиссии по террористическим атакам на Соединенные Штаты», расследовавшей теракт «девять-одиннадцать». Как они попали к покойному Маршаллу — оставалось загадкой.

Но основная часть этой бесценной информации состояла из документов, не вошедших в основной отчет комиссии. Причем без объяснения причин. Как оказалось, руководитель комиссии, бывший сотрудник Администрации

президента Буша-младшего Филип Зеликов⁶ дал распоряжение подразделению под кодовым названием А1 «подготовить подробный рассказ о самой успешной операции «Аль-Каиды» – атаках одиннадцатого сентября» – и в дальнейшем все расследование тщательнейшим образом подгонялось под эту версию. Макс также обнаружил в документах и письмо Конгрессу США от двадцати пяти бывших правительственных служащих, датированное 13 сентября 2004 года⁷:

«Пропуск информации стал одним из основных недостатков отчета Комиссии. Важнейшие данные по многим вопросам, известные нам из первых рук и о которых мы докладывали Комиссии, каким-то образом выпали из поля ее внимания. Комиссия была проинформирована о серьезных проблемах и недочетах в работе внутри правительственных агентств, которые также не вошли в отчет. Он просто не освещает ключевые проблемы в службе разведки, авиационной безопасности и органов правопорядка. Пропуск таких серьезных и актуальных вопросов делает сам отчет ущемленным и ставит его под серьезное сомнение.»

⁶ Филип Дэвид Зеликов (англ. Philip David Zelikow) – исполнительный директор комиссии Конгресса по расследованию терактов 11 сентября 2001 года, член Президентского Консультативного совета по внешней разведке (PFIAB).

⁷ Бывшие высокопоставленные работники ФБР и ЦРУ направили в Конгресс США письмо, в котором подвергли сомнению выводы и рекомендации «Комиссии 9/11». Письмо подписали 25 человек, ранее работавших в ЦРУ, ФБР, Таможенной службе США, Министерстве Национальной безопасности, Федеральном управлении гражданской авиации и армии США.

К этому письму были приложены двенадцать файлов, первый же из которых убедил Макса в том, что редакция не зря потратила пятьдесят тысяч долларов. У него в руках оказалась расшифровка аудиозаписи телефонного разговора некоего Джеймса с неизвестным мужчиной. Разговор состоялся 11 сентября 2001 года в 6.50 утра. При этом нигде не указывалось, кто такой Джеймс. Единственной причиной фиксации этой беседы было то, что Джеймс говорил со своим анонимным собеседником из секретного офиса ФБР на Федерал-Плаза, 26 в Нью-Йорке.

Малин в который раз перечитывал расшифровку, потом опять и опять прослушивал саму запись. Голос Джеймса был безликим, ровным и безвозрастным, в отличие от неизвестного, который говорил приятным глуховатым баритоном человека, давно перешагнувшего пятидесятилетний рубеж. В неизвестном четко определялись властные, волевые нотки, которые тот даже и не пытался скрывать. Макса удивило то, что разговор, состоявшийся за один час пятьдесят четыре минуты до удара первого самолета в башню ВТЦ, не попал ни в один отчет официальных комиссий, занимавшихся расследованием трагедии 11-го сентября. Журналист снова включил запись:

«Джеймс: Алло! Друг мой, это вы?»

Неизвестный: Я... А вы ожидали услышать кого-то другого? Зачем звоните сейчас? До контрольного звонка еще

пять минут.

Джеймс: Произошли изменения. Только что хозяин принял новое решение. Неожиданно. Но решение не обсуждается.

Неизвестный: Какие могут быть новые решения за два часа до события? Птичек уже не остановить.

Джеймс: Все три птички пусть летят. Они нужны, и их очень ждут. Но принято решение не уничтожать полностью два больших гнезда, а пусть будет только то, что сотворят птички. Этого достаточно. А вот третье поменьше... И пусть валится после попадания птички.

Неизвестный: Вы с ума сошли? Это невозможно. Система сработает сама по себе, и первые два гнезда опустятся вниз сами. Где-то в течение часа после прилета. А третье позже. Менять что-либо невозможно! Все сделано так, что ничего изменить нельзя. Миллионы потрачены, а тех, кто устанавливал систему и мог бы что-то остановить или изменить, так их уже нет.

Джеймс: Как нет?

Неизвестный: Совсем нет. Они уже не существуют.

Джеймс: Слушайте! Мне плевать на ваших людей. Надо остановить разрушение первых двух гнезд. Больших гнезд. Я имею в виду полное разрушение. А третье пусть... Так решил хозяин. Все остальные договоренности остаются в силе, и никаких денег возвращать не надо. Птички пусть удалятся — и все.

Неизвестный: Знаете, что я вам скажу, уважаемый? Мы можем многое, но я не бог — и остановить запущенную машину уже не смогу. Все три птички прилетят часа через два, а потом упадут гнезда — сначала первые два, а чуть позже третье. Все! Разумеется, о деньгах тоже речи не идет, никто ничего возвращать не собирается. Поймите, было задание, мы обговорили все детали, вы сделали оплату, я все выполнил. И теперь вы мне сообщаете, что отменяется самый главный этап, который готовили два месяца и отменить который невозможно технически.

Джеймс: Не надо так... Не надо. Давайте... Послушайте, надо аннулировать только полное разрушение двух больших гнезд, потому что это будет единственной зацепкой, которую мы потом не сможем полностью разъяснить. Они слишком большие и устойчивые. И, видимо, у хозяина есть еще какие-то причины... Вы ведь все получили — и теперь можете спокойно исчезать. Надо только...

Неизвестный: Джеймс, идите вы вместе с вашим большим на голову хозяином... Вы не можете или не хотите понять, что падающую бомбу нельзя остановить после того, как ее уже сбросили. Все будет так, как было решено раньше. При всем уважении думаю, что мы с вами больше никогда не услышим друг друга. И меня для вас больше не существует...

Джеймс: Друг мой! Друг мой... (Разговор прерван).»

Ночь уже залила комнату, превратив темные предметы в сумрачные силуэты, а светлые растворив полностью. Мутный свет от экрана ноутбука отбрасывал пожарные блики, пробегающие в зеркале позади дивана. Малину казалось, что время растянулось и остановилось. Где-то там, в сентябре две тысячи первого. И что не было никаких тринадцати лет с их болью, слезами, ложью, красивыми словами и бессмысленными результатами, которые выдавались за непреложные истины. Макс не включал свет. Ему вдруг захотелось продлить это ощущение потерянного времени, остаться где-то там, в тринадцатилетнем минусе, начать сначала. И чтобы все было совсем по-другому. Чтобы больше не ввали всевозможные комиссии, чтобы изначально все люди знали, зачем, как и кем совершено самое страшное преступление нового века.

Он снова и снова перечитывал заключения специалистов о том, что ни при какой ситуации от удара самолета не могли полностью обрушиться гигантские здания, построенные вокруг стального и бетонного каркаса. Макс читал о том, что небоскребы были планомерно взорваны изнутри, а удары «птичек» послужили лишь официальным прикрытием варварского уничтожения тысяч людей. О том, что для взрывов был применен термейт⁸ – запатентованная разновид-

⁸ Термейт, термит (Thermite) – порошкообразная смесь алюминия (реже магния) с оксидами различных металлов (обычно железа). При воспламенении интенсивно сгорает с выделением большого количества тепла. Обычно имеет температуру горения 2300–2700 °С, а в случае применения более сильных окисли-

ность термита с добавлением серы и перманганата калия для более высокой мощности, и именно серу, которая не могла находиться изначально ни в самолетах, ни в строительных конструкциях, потом нашли исследователи. О том, что ФБР засекретило все расследования, моментально организовав уничтожение улик, даже в виде остатков стальных конструкций, по которым можно было точно определить внутренние взрывы термита.

Макс видел фотографии, которые непонятно как оказались в архиве Маршалла; на них были отчетливо видны остатки балок, оплавленных при гигантской температуре, которую может вызвать только взрыв термита. Такую температуру никак не мог дать обычный пожар, возникший после взрыва самолета, заправленного керосином. А еще сотни фотографий разлетающихся обломков, фонтанов пыли и бегущих людей...

Люди. Люди. Именно они, их сумбурные движения, застывшие на фотографиях, их выражения лиц приковывали взгляд Макса. Последний день Помпеи XXI века. Там были фото, сделанные не только возле самих площадок взрывов, но и на соседних улицах. Люди замирали, поднимали головы, загорались руками, портфелями, сумками, бежали в разные стороны, сталкивались.

Вот фото, сделанное через полчаса после удара второго самолета на перекрестке Вашингтон-стрит и Барклай-стрит.

телей, таких как оксиды никеля, хрома или вольфрама, – значительно выше.

Две женщины бегут мимо витрины, в которой отражаются облака пыли, молодой мужчина с ребенком на руках почему-то идет им навстречу, а чуть левее спокойно стоит высокий пожилой человек лет шестидесяти и, откинув чуть назад красивую темноволосую голову, с явным интересом рассматривает происходящее за спиной фотографа, он смотрит туда, где должны были возвышаться атакованные небоскребы. Мужчина совершенно невозмутим, в его лице нет ни страха, ни удивления. Он просто изучает происходящее. И вдруг Макс замер. Что-то внутри оборвалось и полетело в пропасть. Этого человека он уже видел. Видел в другом месте и в другое время.

Дело в том, что Малин с раннего детства обладал удивительной, уникальной способностью запоминать лица. Любые. В любом возрасте и в любой ситуации. Ему достаточно было мельком увидеть человека, и он узнавал того через десятки лет, несмотря на возрастные изменения. Непроизвольно ему запоминались какие-то неуловимые черты, мимика, глаза, чтобы потом никогда уже не уйти из памяти. В этой способности не было никакой заслуги Макса, дар пришел сам, в давнем детстве. Еще отец в свое время заметил и развлекался экспериментами, показывая десятилетнему Максу групповые фотографии школьников сорокалетней давности и уже взрослых людей. Мальчик, не задумываясь, находил бывшего школяра в толпе взрослых мужчин предпенсионного возраста. И никакой грим или годы не могли ввести его

в заблуждение.

И вот сейчас Малин всматривался в фотографию пожилого мужчины, стоявшего на Вашингтон-стрит 11 сентября 2001 года, и понимал, что он его уже где-то видел. Макс изучал лицо, всматривался в приподнятые брови, прямой нос, ярко выраженные скулы и плотно сжатые губы. Особенно запоминающимися были глаза неизвестного – большие, спокойно-жесткие и одновременно какие-то печальные. Да, вспомнил! Точно, он! Но ведь этого не может быть?!

Летом 2000 года ему позвонил из Москвы давний знакомый – российский журналист-расследователь Олег Артаев, с которым в середине девяностых они совместно написали несколько статей о коррупции в Кремле для «U.S. News & World Report».

Олег был очень взволнован и рассказал Максу, что занимается пропажей четырех с лишним миллиардов долларов кредита, выделенного России под гарантии Международного валютного фонда. Это была громкая история, случившаяся еще в августе 98-го. Пройдя по сложной цепочке фактов, свидетельств и документов, Артаев вычислил почти всех участников этой махинации, но полная мозаика никак не хотела складываться.

– Понимаешь, Макс! – торопливо говорил Олег. – Тут полный тупик получается. Загадка. В июле 98-го, перед самым дефолтом, МВФ выделил России кредит в 4,7 миллиарда долларов. Разумеется, эти деньги по назначению не по-

пали. Из «Нейшнл Рипаблик Бэнк оф Нью-Йорк», которым владел банкир Эдмон Сафра⁹, миллиарды, по распоряжению тогдашнего заместителя министра финансов России Асыянова, были разогнаны на различные счета, где благополучно растворились.

Но когда Сафра понял, что украли не некую часть, как было договорено, а все, то он перепугался и заявил о своей готовности дать показания ФБР. Одно время эта контора проявляла интерес к истории с кредитом. И тогда к Сафре, – продолжал Артаев, нервно поправляя очки в тонкой оправе, – на южный берег Франции приехали русский миллиардер Борис Березовский¹⁰ и еще один человек. Они несколько часов о чем-то беседовали, а потом Сафра впал в полную панику и срочно перебрался в свою резиденцию в Монако, где имелись самые крутые системы безопасности, включая бункер на случай ядерной войны. Но и это его не спасло. В декабре 99-го банкир погибает в собственной ванной при

⁹ Эдмонд Сафра (*англ.* Edmond Jacob Safra) – банкир, миллиардер, выходец из Ливана. В 1966 году основал одно из наиболее успешных финансовых предприятий в США – «Republic National Bank of New York». Подозревался в связях с мафией. Погиб 3 декабря 1999 года при странных обстоятельствах – во время пожара в особняке в Монако, устроенного его охранником и медбратом.

¹⁰ Березовский Борис Абрамович (1946–2013). Российский олигарх, миллиардер, приближенный к «Семье» президента Бориса Ельцина. С 2001 года находился в розыске по обвинению в мошенничестве и отмывании денег. С 2003 года постоянно проживал в Великобритании. 23 марта 2013 года найден мертвым в ванной комнате в особняке в графстве Беркшир. Официальная версия – самоубийство. Однако эта версия вызывает сомнения у тех, кто знал Березовского.

очень странном пожаре, так и не раскрыв пути прохождения через его банк украденных миллиардов.

– Я слышал об этой истории, но не вникал. Поэтому не в теме. Но чем смогу...

– Макс! Сможешь! Слушай самое интересное, – продолжал Артаев. – Летом 98-го, перед всей этой историей, в МВФ на переговоры о кредите ездила большая российская делегация во главе с тем же Аस्याновым и другими чиновниками и банкирами. Есть фотографии. Я всех вычислил – персоны известные. Но один человек, мелькнувший на некоторых фото рядом с первыми лицами российской делегации, абсолютно не поддается опознанию. Я тебе выслал картинки. Он обведен кружком – высокий, темноволосый, с сединой, лет за пятьдесят, может, больше. Никаких данных о нем нигде нет, никто не знает, кто он.

Я бы даже не придал этому персонажу какого-либо значения, если бы не один удивительный факт. Те, кто видел приезд Березовского к Сафре перед самой смертью банкира, опознали на фото второго гостя. Именно этот человек тогда был с Березовским. Именно он заходил в особняк на южном берегу Франции. И именно после его визита Эдмон Сафра так перепугался, что умчался в свой бронированный бункер, где вскоре и сгорел. Швейцарские спецслужбы, которые занимались расследованием отмыкания российских миллиардов через их банки, тоже не смогли выяснить, что за человек приезжал тогда к Сафре, хотя и располагали его фотографи-

ей. Единственное, что они зафиксировали, – миллиардер Березовский держался с этим персонажем как-то уж очень почитительно и даже напряженно, что ему было совсем не свойственно. Но это просто личное мнение следователей, видевших видеозапись визита.

– Интересно – загорелся, как всегда, Макс, услышав очередную загадочную историю. – Но только не уверен, что я чем-то смогу тебе помочь. Жаль...

– Я тебя очень прошу. Попробуй использовать свои связи в Штатах. Может быть, удастся все же узнать, что это за птица. Откуда он и каким образом оказался в составе российской делегации и потом во Франции у Сафры? Фото я тебе отправил на почту. И еще. Самое интересное. Этого загадочного персонажа камера слежения зафиксировала в Монако за день до смерти Сафры. Он останавливался на двое суток в роскошном «Hotel de Paris», зарегистрировался как российский бизнесмен Игорь Ларионов. Уехал из отеля через день после гибели банкира.

Макс, получив фотографии, честно попытался выполнить просьбу российского коллеги, но безуспешно. Даже надежные источники в ФБР и ЦРУ не смогли помочь. «Ларионова» действительно не знал никто. Или же все делали вид, что не знают. Через месяц Малин сообщил Артаеву о своих безуспешных поисках. А фотографии так и остались у него в компьютере в папке под названием «Неизвестный русский».

И вот теперь Макс лихорадочно рылся среди старых фай-

лов в поисках этого самого «неизвестного русского», который оказался еще и «неизвестным американцем». Найдя нужные фото, он вывел их на один экран с фотографией, сделанной 11 сентября. Ну конечно! Это один и тот же человек! Тот самый фальшивый «Ларионов». Только на нью-йоркских фото он выглядел немного постарше, слегка поседевшим плюс еще какие-то пока неуловимые изменения в лице. Скорее всего, волосы крашенные и, возможно, легкая пластика, а может, просто время, ведь снимки разделяли три года.

– Как же это может быть? – размышлял Малин. – Таких совпадений не бывает! Хотя черт его знает. А вдруг этот «Ларионов» просто переехал в Штаты и через три года совершенно случайно оказался на месте трагедии возле ВТЦ? Почему нет? И, в конце концов, за каким дьяволом сдался мне этот тип, когда я получил такую сенсационную информацию о взрывах башен-близнецов? Зачем он мне нужен? Почему так напрягает? Сейчас надо срочно писать материал о том, что взрывы, вероятно, заказали отсюда. Из Соединенных Штатов. И кто-то, находясь в здании ФБР, в самый последний момент от имени загадочного «хозяина» требовал не взрывать сами здания, а просто ударить в них самолетами. А его неизвестный собеседник, организовавший теракт, отказался выполнять требования, ссылаясь на невозможность остановить запущенный процесс. Это же бомба всех времен! Уотергейт отдыхает. Главное, чтобы мне голову не оторвали

до появления материала в газете. Черт! Уже утро. Поспать бы пару часов.

И когда первые солнечные лучи отразились в окне напротив, раздался звонок. Пронзительный и настойчивый. Задремавший Макс подскочил и схватил трубку мобильного. Звонил Ричард. Причем с номера, который служил только для экстренной связи, когда опасность чужих ушей становилась слишком явной. Оба понимали, что отдельный номер – весьма слабое прикрытие, но иногда пользовались этим примитивным методом для двадцатитридцати секунд разговора.

– Да, шеф, – быстро пробормотал Малин.

– Слушай меня внимательно. Ты умный, поймешь. Ситуация поменялась. Из-за твоего архива. Значит, так: ты же отдал мне и главному все имеющиеся у тебя экземпляры документов? Да? Правда же?

– Конечно, шеф, – быстро сориентировавшись, соврал Макс, – я же после встречи с источником сразу к вам и приехал. Сделал копию для главного, а оригинал вам отдал. Жду с нетерпением вердикта, чтобы наконец-то ознакомиться со своей добычей.

– Через час у меня. Со всем своим старым архивом по 11 сентября. Понял? Шевели ногами. Жду.

Малин, услышав от интеллигентного Ричарда несвойственную ему фразу «шевели ногами», которая была давним кодом, обозначающим большие проблемы, понял, что происходят серьезные события. А впрочем, разве можно бы-

ло ожидать чего-то иного? Еще ночью, изучив архив Маршалла, журналист осознал, что ему навряд ли дадут возможность полностью опубликовать все имеющиеся материалы, по сравнению с которыми разоблачения Сноудена¹¹ выглядели детским лепетом. Это было бы однозначным политическим самоубийством для первых лиц страны. Как нынешних, так и бывших.

Первым делом Малин скопировал все содержимое с жесткого диска на мощный миниатюрный накопитель, подаренный когда-то одним из информаторов. Он действовал испытанным много раз и надежным методом – прячь главное на самом видном месте, и просто засунул накопитель в карман джинсов. Потом уложил в кофр ноутбук, предварительно вычистив из него какую-то незначительную личную переписку, фотографии нескольких знакомых девушек и недавнего отдыха на Шри-Ланке. Малин понимал, что все стертые файлы поднимут, и поэтому устраивал показательную демонстрацию уничтожения.

Через две минуты его серебристый «Корвет» – мечта, сбывшаяся только в прошлом году, мягко рыкнув мощным двигателем, плавно покатился по влажному после утреннего дождя асфальту Висконсин-авеню.

¹¹ Эдвард Джозеф Сноуден (англ. Edward Joseph Snowden) – бывший сотрудник ЦРУ и Агентства национальной безопасности (АНБ) США, передавший газетам The Guardian и The Washington Post секретную информацию АНБ, касающуюся тотальной слежки американских спецслужб за информационными коммуникациями между гражданами многих государств по всему миру.

В редакции была та самая ранняя тишина, которую так любил Макс. Тишина, напоминающая бегуна на старте, готового через секунды под рев трибун сорваться к победе. Скоро, скоро сотни сотрудников побегут из кабинета в кабинет, завоюют принтеры, зазвонят разом десятки телефонов... А пока он шел по гулкому коридору, кивая редким коллегам, дежурящим по номеру.

Вдруг из-за поворота вылетела, чуть не сбив Макса с ног, очаровательная Джейн Томпсон – смуглая, стройная и миниатюрная, как маленькая статуэтка. Джейн давно нравилась Малину, но он пока не предпринимал никаких решительных действий, зная, что совсем недавно двадцатипятилетняя журналистка пережила бурный развод и, как она сама говорила, находилась в интимной депрессии. Но это не мешало ему, журналисту с именем, опекать красивую коллегу из отдела расследований.

– Привет, Макс! Извини... А я тебе сейчас звонить собиралась, – быстро заговорила Джейн, схватив того за руку, – Слушай, в мае день рождения Кеннеди, и я готовлю большой материал – истории о людях, лично видевших смерть JFK¹² в Далласе. У меня столько фактуры... Я сейчас пытаюсь разобраться, кто есть кто. Тысячи фотографий, видео... Но уперлась в нескольких персонажей, которые упрямо не расшифровываются. Мне нужна твоя помощь. Очень нужна.

¹² JFK – Джон Фицджералд Кеннеди, 35-й президент США, убит 22 ноября 1963 года в Далласе (США).

– Солнышко, меня срочно вызвал Ричард. Старик ждет и, похоже, готовит для меня очередное аутодафе. Давай сделаем так – ты мне пришьешь свои проблемы на почту, я посмотрю и, может быть, смогу тебе чем-то помочь. Прости...

– Ладно. Я отправлю. Удачи тебе!

Он чмокнул Джейн в щеку и вошел в приемную Бервика. Там его уже ждали.

В кабинете за столом сидел седовласый худой украшенный остроконечной бородкой Дон Кихот. От рыцаря, воевавшего с ветряными мельницами, пожилого мужчину, так бесцеремонно занявшего кресло шефа, отличал только дорогой серый костюм и, пожалуй, полное неведение о своем сходстве с героем Сервантеса. Ричард, как всегда, широкими шагами мерил узкое и длинное пространство кабинета.

– Привет. Знакомься, Макс. Это мистер Валевиц из Федерального бюро расследований...

И тут грянул настоящий гром. Низкий и гулкий. Дон Кихот из ФБР оказался обладателем голоса, совершенно не соответствующего внешности, – казалось, что он не говорит, а трубит в большую медную трубу.

– Рад с вами познакомиться, мистер Малин. Читаю постоянно и являюсь поклонником вашего творчества. Но давайте сразу перейдем к делу. Вы получили от некоего известного нам посредника фальшивку, которую тот пытался выдать за архив уважаемого и, к сожалению, покойного мистера Маршалла. В общем-то, ему удалось вас обмануть и выманить

крупную сумму денег в обмен на ничего не стоящие файлы, которые сделал он или кто-то из его подельников. В данном случае вы стали жертвой мошенников высшего пилотажа.

Макс еще в дверях понял всю суть происходящего, увидев самоуверенного Дон Кихота и выражение лица Ричарда, тщетно пытавшегося изобразить свою незаинтересованность. Малин не сдержался:

– Послушайте, мистер Велевич! И ты, Ричард! Что происходит? Откуда ФБР стали известны внутренние дела редакции и тем более информация о моем новом журналистском расследовании? Кто сообщил вам, мистер Велевич, источники, которые, согласно законам нашей страны, могут быть открыты редакцией только по решению суда? А? Я сам еще ничего не читал, так как отдал оба экземпляра Ричарду, но, судя по происходящему, там действительно было что-то серьезное. Или я ошибаюсь?

– Макс! Макс! Простите, что я вас называю по имени, но я вдвое старше вас, – снова загудел гость. – Во-первых, не Велевич, а Валевич. А во-вторых, честно говоря, я рад тому, что вы не начали еще работать с этими фальшивками – и поэтому не стали жертвой мистификации. Я правильно понимаю, – в его голосе зазвучали угрожающие нотки, – что вы не видели содержимого флеш-накопителя, который этот мошенник продал редакции? Правда же?

Вспомнив сказанное по телефону Бервиком, Макс принял решение играть по их правилам и не идти на открытый кон-

фликт. В конце концов, такая реакция ФБР еще раз подтверждает правдивость и опасность документов.

– Простите, мистер Валевич. Я не умышленно искажил вашу фамилию. И еще я погорячился. Но представьте себе ситуацию: журналисту попадает в руки сенсация – и редакция соглашается финансировать расследование. И вдруг меня поднимают чуть свет, срочно вызывают в редакцию, а здесь сидите вы и заявляете, что все это мистификация и мошенничество.

Причем, учтите, я толком не читал документы, – продолжал врать Малин. – По-быстрому вчера просмотрел в редакции, когда делал копию для главного. Там что-то про заранее подготовленные взрывы в ВТЦ и какие-то записи переговоров, море фотографий. Но я очень рассчитывал, что сегодня смогу наконец-то со всем этим полностью ознакомиться и начать работать. Но раз так... Короче, мистер Валевич, мне проблемы не нужны.

– Послушай, Макс! – как-то неестественно вкрадчиво говорил Ричард, – Давай сделаем так. Ты отдай, пожалуйста, свой ноутбук мистеру Валевичу, пусть они его проверят и еще раз убедятся в том, что ты, так сказать, не в теме. И без обид. Это решение главного.

– Не вопрос, шеф. Только я хотел бы в вашем присутствии, господа, сделать копии некоторых материалов, над которыми я сейчас работаю и которые не имеют никакого отношения к вчерашней... эээ... мистификации. Вы не против,

господин Валеви́ч?

– Конечно. Конечно, – пробубнил Дон-Кихот. А Ричард, переведя дыхание и вытерев лоб большим платком, продолжил:

– И еще, Макс. Ты ведь давно просился в Париж? Для тебя есть тема. Там... Ну, помнишь про связь Саркози с владельцем «Л'Ореаля» Бетанкур¹³? Вот мистер Валеви́ч сообщил, что его источники в Париже донесли, будто «дело Саркози» по незаконному получению денег от Бетанкур неожиданно активизировалось. Вот съездишь, пообщаешься, дашь материал к середине мая. Так что давай шевели ногами. Тема-то твоя.

Дон Кихот важно кивнул, а Макс, которого никогда не интересовали ни сам Саркози, ни все остальные французские политики вместе взятые, моментально принял сигнал от начальника. Он понял, что придется на время исчезнуть из страны. Что ж, Франция – неплохой вариант. Исчезать таким образом ему уже приходилось: два года назад, когда Малин добыл документы о финансовых махинациях в Пентагоне, Ричард прятал его в Иордании, и вернуться в Вашингтон Малин смог только после того, как статья была опубликована и, став сенсацией, снесла головы нескольким высокопоставленным чиновникам военного ведомства.

¹³ Власти Франции подозревали бывшего главу государства Саркози в том, что он в нарушение закона получал финансовые средства от владельца компании «L'Oréal» Л. Бетанкур в ходе предвыборной кампании в 2007 году.

А утром следующего дня журналист уже вылетал в Париж. В Вашингтонском аэропорту Даллеса его провожал Бервик:

– Макс! Макс! Не злись. Я тут ни при чем. Ты же меня знаешь.

Когда Главный увидел содержимое архива Маршалла, с ним чуть инфаркт не случился, а через два часа Валеви́ч уже сидел у меня в кабинете и нагло врал про фальшивки и мошенничество. И знаешь, я думаю, что это не наш с тобой шеф сдал всю историю фэбээровцам. Похоже, что они уже знали об утечке и выясняли, у кого из наших коллег окажутся эти документы. Разумеется, вышли на нас. И шеф просто согласился с ФБР или сделал вид, что согласился, и, чтобы избежать проблем, все им отдал. Включая и нас с тобой.

– Сука! Какая же сука!

– Спокойно, Макс! Во-первых, не суетись. За нами наверняка наблюдают. Мы просто болтаем, смеемся и прощаемся. Мы же старые друзья? А во-вторых, тебе надо исчезнуть из Штатов и отдохнуть. Никакой Саркози, разумеется, мне и даром не нужен. Эту тему давно уже пробили французские коллеги, а переписывать – не наша работа. Отдохни, пока все утрясется и забудется. Будем делать вид, что мы поверили в сказку о том, что архив Маршалла – фальшивка.

– Ричард! Ричард! Но есть же хоть маленький шанс, что мы это опубликуем? Когда-нибудь?

– Если честно, то нет никаких шансов. Забудь. Если, конечно, ты не хочешь превратиться в мертвого Макса Мали-

на. А я – в мертвого Ричарда Бервика. Надеюсь, что все постепенно утихнет. Пойми, старина, это не разоблачения какого-то проворовавшегося чиновника из Пентагона или коррупции в Госдепе. Это гораздо страшнее. Давай не будем считать эту историю счастливым шансом, а спишем ее, как обычный технический прокол. Все! Прощаемся! Тебе привет от Элизабет.

– Спасибо. Ей тоже.

У выхода на посадку суежилась большая группа школьников, отправляющихся на ознакомление со средневековыми замками Луары. Родители, воспитатели и сами маленькие туристы создавали непрерывный монотонный гул, изредка прерываемый выкриками особо эмоциональных мамаш. Бервик пожал приятелю руку и тихо сказал:

– Связь обычная. Экстренные ситуации обозначаем, как и прежде. По тем же каналам. Удачи.

Прощайте, президент Кеннеди.

Даллас. 22 ноября 1963 года

С утра серые крыши Далласа поливал мелкий и холодный дождь. Невыспавшийся ветер гонял по низкому небу растрепанные облака, и казалось, что нигде не укрыться от пронизывающего северного сквозняка. Он хлопал дверью в кафе и сносил стойки с газетами и цветами, а те, которые не поддавались, заливал дробными мутными каплями. Но в Далласе в этот день на неприятную суету природы почти никто не обращал внимания. Все ждали События.

Высокий черноволосый мужчина лет тридцати с лишним, который называл себя Томом Уокером, вышел из отеля на Леман-авеню и, подняв воротник роскошного длинного пальто, перебежал улицу к ближайшему телефону. И только там, смахнув капли дождя со стеклянных окошек, случайный прохожий мог бы рассмотреть Уокера.

Он был красив какой-то совершенно хищной, утонченной красотой – зачесанные назад черные волосы обрамляли худощавое лицо, нос с небольшой горбинкой, тонко очерченные губы. Но глаза... Глаза его завораживали. В них виделось удивительное сочетание немыслимо холодной непознанной глубины и неожиданно всплывающих проблесков мягко-желтого света. Это были очень странные глаза. Они

одновременно вызывали непонятный внутренний страх и привлекали теплом, возникающим резко и неожиданно. В них чудилась бездна. Бездна, в которую так хочется заглянуть еще раз.

Уокер бросил мелочь в аппарат, набрал номер и, услышав быстрое «алло», глубоким, низким голосом отрывисто ска- зал:

– Это я, Малыш. Как там в аэропорту?

– Все хорошо. Борт номер один садится через несколько минут. Нас, журналистов, здесь немерено. Человек сто. Плюс зевак столько же. А я тут околачиваюсь возле телефонной будки... Слушай! С погодой чудеса. Тучи с дождем ушли. Солнце... Похоже, поедет в машине с открытым верхом. Думаю, что у вас там тоже скоро развиднеется...

– Охрана?

– Очень много. Такого не было даже в Нью-Йорке. Всех проверяют. На крышах снайперы. Вон! Вон! Садится самолет! Набери не этот номер минут через десять.

Положив трубку, человек, называющий себя Уокером, закурил прямо в будке. Он стоял спиной к промокшему городу и думал о том, что сегодня, наверное, самый важный день за всю его тридцатитрехлетнюю бурную жизнь. Сейчас должно произойти то самое главное событие, которое он рассчитал, продумал до мелочей, к которому подключил сотни и сотни людей, большинство из которых даже не понимали всего масштаба операции, в которой участвовали. Во всяком слу-

чае, пока не понимали, считая, что просто зарабатывают хорошие деньги. Да что там большинство! Картину до деталей не понимал никто, за исключением самого Уокера. А выше его в тот день было лишь плачущее небо.

Событие человек, именующийся Томом Уокером, готовил почти год, отшлифовав до идеального состояния. И вот сейчас, стоя возле мутного окна телефонной будки, он почувствовал страх, поднимающийся откуда-то из глубины. Эта липкая и медлительная субстанция всплывала и разбегалась по всему телу, рождаясь у самых корней волос на голове, и проваливалась к кончикам пальцев на ногах. Страх... Страх... Нет, это было не ощущение опасности или осознание ужаса ожидаемых событий. Нет. Это был страх того, что что-то сорвется или пойдет не по плану. Не более. Том отогнал наваждение, еще раз прокрутив в голове все возможные и даже невозможные варианты. Ошибки быть не могло. Он все учел, просчитал, продумал, оплатил. Сегодня – его день и его час.

Уокер снова набрал номер.

– Ну? – тихо поинтересовался он.

– Поехал! Поехал! Только что. Открытый верх. В первой машине на заднем сидении он и Жаклин, перед ними на первом губернатор Конелли с женой. Потом авто с охраной, и третьей машиной едет Джонсон.... Ну, как и должно быть по протоколу.

– Спасибо за работу. Отбой.

Человек на том конце провода оказался прав. Том, выйдя из телефонной будки и инстинктивно приготовившись к очередному порыву ветра, обнаружил, что за несколько минут погода кардинально изменилась. Дождь прекратился, оставив после себя запах утренней свежести, потемневший асфальт и медленно сползавшие по витринам капли. Ветер стих. И сразу же сквозь облака пробились первые лучи ноябрьского солнца. Оно словно прощалось с тем, кто должен был уйти в ближайшие двадцать минут.

Уокер перешел через Инвуд-роуд и не спеша направился к Элм-стрит, пробираясь сквозь огромную толпу встречающих, запрудившую обе стороны маршрута. Внешнее спокойствие и неторопливость давалась ему с трудом. В голове судорожно металась мысль: успеет ли он за две минуты дойти до следующего телефона. Этот путь Уокер проходил много раз, меряя расстояние шагами и отсчитывая секунды и предусматривая вероятное движение толпы. Но то, что творилось на Леман-авеню и Мейн-стрит сейчас не смог предсказать даже его точный расчет.

Десятки тысяч далласцев, с детьми, родителями, друзьями, подругами, толпы журналистов, размахивающих камерами, штативами и микрофонами, заполонили улицы. Сегодня был их день. Они ждали События. И это Событие состоялось. Кортёж 35-го президента США Джона Фицджеральда Кеннеди медленно продвигался по Далласу под радостные приветствия толпы.

Том Уокер наконец-то добрался до следующего телефона. И остановился. Внутри что-то оборвалось... В телефонной будке, подпирая ее головой, стоял огромный полицейский и мирно беседовал. Судя по счастливой физиономии блюстителя порядка, он явно рассказывал жене или подруге о своей высокой миссии по охране президента.

Счет пошел уже на секунды. В заледеневшем на мгновение мозгу Тома вспыхнула искра. Как удар током. Он постучал монеткой в стекло и, поймав удивленный взгляд полицейского, показал в сторону, откуда должен был показаться кортеж, и громко крикнул:

– Извините! Президент уже на подъезде. Я из «Дейли Мейл». Мне срочно нужно сообщить в редакцию.

А через секунду добавил:

– Понимаю, что у вас тоже не менее важное дело, но мне на одну секунду. Пожалуйста! Такое событие для нашего города!

Полицейский, улыбнувшись, что-то пробормотал в трубку и, смущаясь от того, что журналист услышал обрывок явно личного разговора, вышел из будки. Уокер сдержанно поблагодарил и начал набирать номер. Через секунду мужской голос ответил:

– Слушаю.

– Это я, – тихо произнес Том, – вариант номер один. Все идет по плану. Мэри с малышом уже на объекте.

– Понял. Спасибо. Отбой.

Все. Уокер выдохнул, вышел из будки и спокойно двинулся через толпу по направлению к железнодорожному мосту на Элм-стрит. У него было еще минут двадцать.

Он шел, с интересом рассматривая толпу. Тысячи американцев выстроились вдоль причудливо изгибающейся улицы, уходящей под мост. Они перекрикивались со знакомыми, курили, что-то жевали, поднимали на руки детей, обращая их лицами в сторону, откуда ждали кортеж президента. Ощущение праздника дополнялось неожиданно появившимся скудным ноябрьским солнцем. Люди, обычные люди. Это был их день и их президент, которым они сегодня так гордились... Откуда взялась эта гордость, им было неизвестно. Как неизвестно и то, что Кеннеди ничем не отличался от предыдущих или последующих президентов – делал карьеру, боролся с конкурентами, не выбирая методов, общался с мафией и поддерживал близкий ему бизнес. Такой же... Только симпатичный. И очаровательная Джекки... Она же такая милашка.

Уокеру вдруг показалось, что эти люди пришли не приветствовать своего президента, а посмотреть на то, как осуществляется великий план, который в одиночку придумал и привел в действие он, тот человек, который в данное время отзывается на имя Том Уокер. Они пришли увидеть, как умрет президент Кеннеди. Они пришли изображать горе, метаться вдоль улиц, плакать, словно профессиональные статисты, нанятые тоже им. Странное ощущение.

Медленно. Очень медленно ползло время, растекаясь по деревцам вдоль улицы, цепляясь за газоны и полицейские машины. Казалось, что минуты становились все длиннее и длиннее по мере того, как Уокер подходил к серому зданию склада школьных учебников, нелепо торчащему на перекрестке Хьюстон-стрит и Элм-стрит.

Уокер остановился в том самом месте, которое он еще несколько дней назад облюбовал для наблюдения. Это была большая бетонная плита на парковой лужайке, что перед самым въездом под мост. Отсюда открывался вполне приличный вид – и отлично просматривалась предполагаемая точка, где и должно было произойти Событие.

Том напряженно поглядывал то на окна шестого этажа склада учебников, то на изгородь, расположенную на травянистом холме справа от Элм-стрит. Вдруг рядом произошло какое-то шевеление. Полноватый лысый человек с кинокамерой расположился по соседству с Уокером.

– Хорошее у вас здесь местечко, – задыхаясь, проговорил новоявленный сосед. – Я тут поснимаю? Меня зовут Запрудер¹⁴. За-пру-дер. Профессия – торговец одеждой, а хобби – киносъемка. Хочу снять приезд Кеннеди.

– Ричард Абрамсон, – представился Уокер. – Просто лю-

¹⁴ Абрам (Абрахам) Запрудер (англ. Abraham Zapruder) – бизнесмен, совладелец компании по производству одежды Jennifer Juniors, Inc. Кинолюбитель. 22 ноября 1963 года снял 26-секундный любительский фильм, который оказался самой полной съемкой убийства Кеннеди.

бопытствующий. Не помешаю?

Толстяк захохотал и, не отвечая на вежливый вопрос Тома, ткнул пальцем в девушку, стоящую рядом с кинолюбителем.

— А это моя ассистентка... О! Кажется, едут. Снимаем!

Уокер еще раз незаметно взглянул на окна склада, затем на изгородь на холме и, вытянувшись, устоял на дороге в ожидании приближающегося кортежа. Шум толпы нарастал по мере движения автомобилей, напоминая лавину, скользящую по склону. Крики тысяч людей соединялись в один массивный густой гул, отдававшийся эхом в бетонных кубах зданий. Солнечные лучи ломались в витринах и отраженными бликами рисовали узоры на спинах зевак, стоящих вдоль дороги.

Первыми из-за поворота показались мотоциклисты. За ними медленно проплыла первая машина. Длинная и хищная. На третьем ряду сидений президент Кеннеди устало улыбался и махал правой рукой, иногда опуская ее на массивную дверь. И когда автомобиль проехал мимо огромного информационного щита, загородившего Тому обзор, раздался громкий звук выстрела, вошедший в диссонанс с гулом толпы и поэтому отчетливо слышимый. Кеннеди схватился за горло. Жаклин наклонилась к нему.

Для Тома Уокера время остановилось. В голове зазвенел отсчет: «Один, два, три, четыре... Давай, девочка! Пора!».

На пятой томительной секунде прозвучали одновремен-

но два выстрела. Точно и абсолютно синхронно, сливаясь в один жалящий убийственный звук. Пуля, выпущенная из окна шестого этажа книжного склада, ушла куда-то в небо. Как и было предусмотрено. А из снайперской винтовки, которую уверенно держала женщина, расположившаяся за изгородью на травянистом холме, вылетела вторая пуля, которая и вошла точно в голову 35-го президента США Джона Фицджеральда Кеннеди.

Женщина с холма отбежала в сторону метров на пять, положила винтовку в стоящую внизу детскую коляску, где хныкал самый настоящий полугодовалый мальчишка, надела очки с сильными линзами и неторопливо двинулась прочь. И тридцати секунд не прошло со второго выстрела, а ее уже не было видно.

Когда раздался второй, а точнее, третий, прилетевший с холма выстрел, президент Кеннеди откинулся назад. Жаклин каким-то странным, несуразным образом выбралась на задний капот автомобиля, куда уже запрыгивал охранник из машины сопровождения. Кортёж набрал скорость и исчез под железнодорожным мостом. Камера полненького оператора Запрудера продолжала стрекотать еще несколько секунд. Похоже, он снял весь процесс убийства президента и теперь молча стоял, ошарашенно глядя на мост, под которым минуто назад мелькнул последний автомобиль кортежа.

Том Уокер повернулся спиной к проезжей части и спокойным шагом направился в один из переулков, понимая, что

сейчас начнется паника. Он уже отошел не несколько сотен метров, когда полицейские и охрана бросились к стоящим вдоль улицы, они валили людей на землю, размахивали оружием, что-то кричали в рации. Еще никто ничего не понимал.

А Том уходил все дальше и дальше от того места, где свершилось Событие, продуманное им до мельчайших деталей. Внезапно поднявшийся холодный ветер раздувал полы пальто, забираясь под пиджак. Он запахнулся, поднял воротник и ускорил шаг. Через два квартала Уокер зашел в телефонную будку, набрал номер и сразу же услышал хрипловатый женский голос:

– Алле?

– Это я. Говори.

– Мэри звонила. Игрушка уже плавает в Тринити-Ривер, ребенка вернула отцу, встречается с Морганом через час там, где договаривались.

– Что говорят?

– В госпиталь вызвали священников. Достаточно?

– Да, вполне.

В трубке повисла напряженная тишина. Уокер понял, что собеседница хочет что-то спросить, но не решается.

– Рассказывай, девочка. Рассказывай... Не молчи.

– Послушай! Что будет с Мэри – я, кажется, уже поняла.

А как же я? Со мной тоже...

– Дура, – процедил в трубку Уокер. – С тобой все будет в

порядке. Деньги у тебя на счету. Уезжай из города. Не сразу, а, скажем, дня через два. Куда-нибудь, где тепло и никто ни о чем не спрашивает. Забудь все, что знала, и живи в свое удовольствие. Просто живи, ни о чем не думая. Понимаешь, ты ведь ни при чем, ты ничего не сделала. Меня не было в твоей жизни, как не было ничего из того, что происходило за последние месяцы. Просто живи.

– Спасибо. Мне было хорошо с тобой... Удачи. Прощай.

Том перешел улицу и двинулся прочь. Оставалось еще два последних штриха, и картина будет закончена полностью.

Тяжелое невидимое облако расползлось над городом. Оно давило своими размерами и медленно окутывало каждый закоулок Далласа. Город постепенно охватывало осознание произошедшего. Улицы наводнила полиция, они бессмысленно блуждали между перекрестками, заглядывали в лица прохожих, громко переговаривались по рациям. Люди толпились у кафе, где работали включенные на полную громкость телевизоры. Обрывки фраз долетали до Уокера: «Президент пока жив... Ему уже вызвали священника... В губернатора срикошетила пуля, но с ним все окей... Кеннеди мертв.... Как же так? Почему у нас?»

Казалось, что жители воспринимают покушение на Кеннеди в Далласе как свою коллективную вину. Не уберегли. Почему именно в нашем городе? Почему не где-нибудь в Нью-Йорке или Чикаго? Так было бы легче – увидели бы по телевизору, прочитали в газетах, погрустили минуту – и все.

А тут все как соучастники.

На Суисс-авеню Уокер подошел к неприметной старенькой «Тойоте» и сел за руль. Через час он подъехал к парку Сэм-Хьюстон и, оставив машину на стоянке, прогулочным шагом двинулся по аллее в глубь парка.

Здесь осень уже закончила свою работу – деревья стояли обнаженными, поблескивая влажной корой, а под ногами шуршали грязно-желтые листья. Никого. Ни одного человека сегодня не было в огромном парке. Только далеко в просвете между деревьями мелькнула замерзшая парочка и, не заметив бредущего по аллее Уокера, исчезла.

Через несколько минут Том увидел то, что и ожидал увидеть. На скамейке сидела женщина, склонивши голову к коленям. Ее серое пальто казалось непомерно большим, воротник почти накрывал голову. Растрепанные темные волосы свисали вниз, доставая почти до земли. Присев рядом, Уокер какое-то время внимательно рассматривал соседку, а затем дотронулся до ее шеи. Женщина была мертва, у ее ног лежал маленький шприц, в котором виднелись остатки прозрачной жидкости, перемешанной с кровью.

Том знал, что через пару часов полиция обнаружит в парке наркоманку Мэри Эшли – вдову, скончавшуюся от передозировки. Морган, как всегда, отлично выполнил свою работу.

Уокер, отойдя метров на сто, обернулся и еще раз взглянул на женщину.

Мэри ему всегда нравилась. Тридцатилетняя бывшая спортсменка мастерски владела различными видами оружия, но в первую очередь – снайперской винтовкой. Пару раз она выполняла для Уокера сложные заказы в Европе и Азии. Ее муж Майкл погиб в апреле 61-го, участвуя в провальной операции в заливе Свиней. И с тех пор у Мэри остались только две мечты: отомстить Кеннеди, которого она почему-то считала лично виновным в смерти мужа, и накопить двадцать тысяч долларов, чтобы уехать из «проклятой Америки» и поселиться где-нибудь на островах. А там встретить настоящего друга, родить ребенка и жить среди пальм на берегу океана.

«Прости, девочка, – мысленно обратился к ней Том, – я помог тебе выполнить только первую часть твоей мечты. Именно ты, а не какой-то там безмозглый шизофреник Освальд, убила Кеннеди. Твой первый и единственный выстрел снес голову президенту Америки, которого ты так ненавидела. А вот с океаном не получилось бы в любом случае, все слишком серьезно, никаких следов оставлять нельзя. Даже на твоих островах под пальмами. Прости...»

Он махнул рукой и быстрым шагом двинулся к автомобилю. Небо нависло над парком обрывками потемневших облаков, которые гнал куда-то прочь из города нежданно поднявшийся ветер. А на их место приплывали новые, еще более темные облака. О капот ударились первые капли дождя.

В машине было сыро. Уокер включил отопление и крут-

нул диск радио.

Глуховатый голос диктора рассказывал о смерти Кеннеди, наступившей час назад, и об арестованном Ли Харви Освальде¹⁵, которого подозревают в убийстве президента. Освальд неподалеку от своего дома, куда он вернулся после убийства, выстрелил в полицейского и, убив его, спокойно отправился в театр, где и был арестован.

Уокер тихо рассмеялся:

– Идиот! Взбесившийся кролик. Правильно, что использовали втемную... Он и до сегодняшнего дня ничего не понимал, а сейчас уж совсем стал невменяем. Удивительно, как он в таком состоянии умудрился ранить президента первым выстрелом. Вообще, зачем он целился в Кеннеди? Было же сказано – в сторону! Не понимаю. Зачем убил полицейского? Идиот! Дебил... Хотя сейчас это уже не важно. В итоге все прошло по плану.

Машина медленно двинулась от парка к шоссе, ведущему в город. Водитель размышлял.

Все, что требовалось от Освальда – это двумя выстрелами отвлечь внимание от Мэри. Первый выстрел должен был быть по машине, а второй – в воздух. Харви заверили в том,

¹⁵ Ли Харви Освальд (англ. Lee Harvey Oswald) – единственный официальный подозреваемый в убийстве американского президента Джона Кеннеди, якобы стрелявший с шестого этажа книжного склада в Далласе. Свою вину полностью отрицал. Через два дня после смерти Кеннеди, во время перевода из полицейского управления в окружную тюрьму, Освальд был при странных обстоятельствах застрелен владельцем ночного клуба Джеком Руби.

что ему необходимо лишь сымитировать покушение, напугав Кеннеди, после чего тот якобы станет более лояльным и управляемым. Разумеется, Освальд и не подозревал, что Мэри, расположившаяся на холме, выстрелит в голову Кеннеди одновременно с его вторым выстрелом. А потом его, Ли Харви Освальда, признают убийцей президента.

Все было рассчитано идеально. Даже то, что Освальд, в нарушение плана и идя на поводу каких-то своих личных замыслов, решил все же метить в голову президента, никак не изменило задуманного хода событий. Кеннеди был мертв. Никакие нити не связывали Уокера с официальным «убийцей». Их просто не существовало.

И никто теперь не поверит рассказам Освальда о том, что некие неизвестные люди предложили ему лишь изобразить попытку покушения на президента, а заодно решить финансовые проблемы и, конечно же, войти в историю. Ситуация была доведена до такого логического конца, что любые иные версии казались полным абсурдом. Теперь оставалось последнее действие, которое окончательно перекроет дорогу любому расследованию и оставит в деле убийства президента одни лишь вопросы. Это действие – публичная гибель Освальда от рук неожиданного мстителя.

Без этого можно было, конечно, обойтись. Но Уокер предусмотрел даже возможность того, что какие-то детали могли быть им упущены, не учтены, не замечены. Даже его разум имеет границы. И поэтому финалом самого громкого

убийства двадцатого века обязательно должна стать смерть самого Ли Харви Освальда. Только тогда заказ будет считаться полностью выполненным.

Машина выскочила на хайвэй и влилась в поток мчащихся авто. Похоже, что у далласцев первый шок от убийства Кеннеди начал проходить уже через несколько часов. Из соседнего автомобиля неслось «She Loves You», но водитель, обратив внимание на рассматривающего его Тома и вспомнив о произошедшем событии, быстро прикрутил громкость и прибавил скорости.

Жизнь продолжалась, и ее ритм становился все быстрее и быстрее. Ну, убили Кеннеди... Печально. Хороший был президент. Но ведь его смерть не отменяет нашей жизни. И никто вместо нас не выплатит очередной взнос за домик на озере Уайт-Рок, не обманет строгого налогового инспектора, не обнимет такую сексуальную Джоанну, или Анну-Марию, или, в конце концов, черного симпатягу Самюэля с 51-й стрит. Все будет хорошо, как и должно быть в Америке. Тем более, вице-президент Линдон Джонсон сразу же принял присягу и стал президентом. Очень быстро – прямо на борту президентского лайнера. Вместо Кеннеди. Теперь Джонсон тоже хороший парень, так как в нашей великой стране не может быть плохих президентов. А то, что все произошло как-то очень быстро, так это для нашей же пользы – чтобы мы не беспокоились по поводу отсутствия президента в стране. Только поэтому – и не иначе.

Так представлял себе Уокер нынешние размышления рядовых американцев, несущихся в недорогих авто под музыку «Битлз». И он был прав, так как блистательно умел обобщать и анализировать, понимая и чувствуя в людях то, в чем они не могли признаться даже самим себе.

Через полчаса он съехал с шоссе и остановился у придорожного кафе. Уокер устроился за барной стойкой и, потягивая кофе, готовил себя к главному разговору сегодняшнего дня. Сейчас он должен был позвонить посреднику, через которого к нему поступил заказ на убийство Джона Кеннеди. Этот абонент был единственным звеном, связывающим его, человека, называющего себя Томом Уокером, вероятно, с тем главным почти небожителем, который несколько часов назад давал президентскую клятву в самолете. Конечно, Том не знал на сто процентов, что заказ на Кеннеди поступил непосредственно от вицепрезидента. Возможно, это был кто-то из его ближайшего окружения, так как все детали обсуждались через посредника, имевшего отношение, по информации Уокера, к одной из спецслужб.

Полгода назад специалист по решению очень серьезных вопросов за очень большие деньги, известный на тот момент как канадский бизнесмен Том Уокер, через длинную цепочку посредников получил заказ на убийство президента. Причем без каких-либо условий и уточнений.

Выяснение всех подробностей, а также разработка плана и его полное осуществление лежали на плечах Уокера, а за-

казчик принимал на себя лишь два обязательства, которые потребовал Том. Первое – перевести на номерной счет двадцать пять миллионов долларов. И второе – после успешного выполнения задания некий человек «от Уокера» должен был стать одним из основных посредников между производителями вооружения для армии США и группой американских войск, участвующих в войне во Вьетнаме.

Тогда Том Уокер сразу же понял, что будущая смерть Кеннеди имеет самое прямое отношение к дальнейшей активизации Линдоном Джонсоном военных действий в Южном Вьетнаме. А это значит, что десятки миллиардов долларов будут направлены как на вооружение, так и на другие расходы действующей армии.

Первое требование – перевод 25 миллионов на секретный счет – было выполнено. Второе должно случиться в самое ближайшее время.

Том прошел к телефону в темной глубине бара. Там, в тесной комнатухе, пахло пролитым алкоголем и дешевыми сигарами. Навстречу Тому из комнаты выскользнула совсем юная девушка, мазнула восторженным взглядом по красивому чеканному профилю Уокера и исчезла за дальним концом стойки.

Том набрал номер. Трубку сняли сразу, но ничего не ответили. В мембране разлилась густая тишина, которая бывает, когда понимаешь, что тебя молча слушают. Уокер отсчитал десять секунд и заговорил:

– Я закончил с расчетами.

Густой низкий голос, растягивая слова и явно произнося их через платок или салфетку, ответил:

– Я знаю. Мы благодарны вам. У вас все чисто?

– Да. Только кролик в последний момент взбесился и начал действовать без программы. Полицейский... Вы знаете... И поэтому надо поскорее решать с мстителем для кролика.

– Я знаю. Через два дня мститель придет к кролику. Кролик может что-то рассказать до этого?

– Нет. Кролик, по сути, ничего не знает. Он считает, что участвовал в игре, в имитации события. С ним работали только неизвестные ему посредники.

– Вот и хорошо. Еще раз повторю, что страна вам благодарна, – голос собеседника стал еще глуше. – Что у вас?

– Меня больше нет, – голос Уокера зазвучал иронично, – а благодарная страна, надеюсь, выполнит второй пункт наших договоренностей? Ну, чтобы я окончательно исчез, а исчезнув, никогда и не вспоминал про Событие?

– Разумеется, друг мой. Разумеется... Решение уже принято, и ваш человек займет обещанную должность в системе. По-моему, его зовут Вайс?

– Не прикидывайтесь. Вы отлично знаете, что его имя Вайс. Мартин Вайс. И еще один момент, на который я прошу обратить внимание: Мартин не имеет со мной никаких контактов. Он вообще меня не знает. Моя связь с ним одно-

сторонняя и через посредников, а вам никогда с его помощью не найти меня. А если узнаю о каких-то попытках или о невыполнении второй части наших договоренностей, то вы, надеюсь, понимаете, что я подстраховался – и моя информация будет похлеще атомной бомбы?

– Прекратите нести глупости, – взорвался собеседник Тома, явно забыв про салфетку у рта. – Прекратите! Вы все сделали, и мы доведем до конца наши договоренности. Нам ничего не нужно. Пусть все обо всем забудут. Что будет с вами?

– Я скоро умру. Предположительно, в воде. И, кстати, Вайс тоже не будет долго тревожить вас своим существованием. Как только он выполнит свою миссию, то, скорее всего, трагически погибнет где-нибудь в джунглях Сайгона. Вы меня поняли?

– Да, да... Такой вариант устроит всех, – голос на том конце провода вдруг сорвался на нервный смешок. – И я лично желаю вам и вашему Вайсу поскорее отправиться в мир иной... Поторопитесь с этим – и прощайте, друг мой.

– До свидания и спасибо за теплые пожелания.

Том Уокер вышел из подсобки, прошел вдоль стойки, где сидел десяток завсегдатаев, уставившись в телевизор.

– Полиция провела первый допрос подозреваемого в убийстве президента Кеннеди, – дымя сигаретой, вальяжно рассказывал комментатор. – Ли Харви Освальд не признает себя виновным и отрицает какое-либо отношение к убий-

ству...

Уже в дверях Уокер снова встретился взглядом с девушкой, чуть не сбившей его с ног у входа в подсобку. Она, несмотря на свой юный возраст, оказалась официанткой и сейчас, отвернувшись от толстяка, что-то ей говорившего, смотрела на Тома. На груди у нее была карточка с надписью «Паола».

«Потрясающая девчонка, – отметил Том. – Просто невероятная Паола. А ведь ей не больше семнадцати. Глаза такие, что сводят мужчин с ума. Сразу и бесповоротно, без шанса на возвращение. Сейчас бы взять ее с собой куда-нибудь на острова на пару месяцев, отдышаться после всех дел.»

Но уже через секунду он стряхнул с себя наваждение и быстрым шагом вышел из кафе, не отказав, правда, себе в удовольствии в дверях еще раз обернуться и посмотреть на Паолу. Она стояла у стойки, глядя ему вслед и прижимая к груди сложенные скатерти. И вдруг на ее губах появилась легкая, чуть заметная усмешка, которая тут же исчезла под маской напускной вежливости. А может быть, Тому просто показалось. Через секунду девушка отвернулась.

Уокер сел в машину, завел двигатель, снова глянул в сторону кафе, запомнив название – «Мэйфлауэр» – и медленно покатиł вдоль узкой улицы, сворачивавшей куда-то на запад. Последние лучи закатного солнца пронзали боковое стекло, рисуя неведомые знаки на бликующей панели приборов. Кажалось, что солнце всеми силами пытается остановить тороп-

ливый уход исчезающей осени 1963 года – последней осени Джона Фицджеральда Кеннеди.

Вместе с осенью в этот же день исчез и Том Уокер – молодой успешный канадский бизнесмен, два года занимавшийся недвижимостью. Незадолго до События он продал все свои акции, очистил банковские счета и перестал отвечать на телефонные звонки.

А через три месяца в озере Мичиган, где любил рыбачить Уокер, нашли изуродованное тело. В кармане утопленника обнаружили документы на имя Тома Дж. Уокера, 1930 года рождения. Беднягу, наверное, ограбили и убили местные бандиты, а труп выкинули в озеро. Так решил следователь. А так как тело было страшно изуродовано и пробыло очень долго в воде, то детальное опознание не представлялось возможным. Да и родственников у покойного холостяка не оказалось.

К весне 1964 года, когда президент Джонсон, вопреки обещаниям покойного Кеннеди, начал активные военные действия американцев во Вьетнаме, увеличив численность группы войск и выделив гигантские деньги на военное производство, между Вашингтоном и Сайгоном принялся курсировать тридцатитрехлетний мужчина, которого звали Мартин Вайс¹⁶. Он был хозяином посреднической ком-

¹⁶ В 1964 году Конгресс США принял так называемую «Тонкинскую резолюцию», дававшую право новому президенту США Линдону Джонсону при необходимости использовать военную силу в Юго-Восточной Азии. К концу 1965 года в Южном Вьетнаме находилось около 185 тысяч американских военнослужа-

пании, через которую и проходили те самые сотни миллионов, выделенных Госдепартаментом на военные расходы – приобретение оружия у специализированных предприятий, обмундирования, продуктов и товаров первой необходимости. Большая часть из того, что было необходимо американским войскам во Вьетнаме, поставлялось через компании, принадлежащие Мартину Вайсу. А к 1966 году счет пошел уже на миллиарды долларов.

Сам Вайс по каким-то только ему известным причинам очень ограничивал свой и без того узкий круг общения, избегая даже минимальной публичности, не говоря уже о встречах с журналистами и фотографами, которых он обходил с маниакальной настойчивостью. А те, кому все же удавалось пообщаться с Мартином, сразу обращали внимание на его глаза, которые отталкивали и притягивали одновременно. В этих глазах удивительно сочетались потаенная темная угроза и какой-то желтоватый теплый огонек.

А еще – где бы ни появлялся Мартин Вайс, рядом с ним всегда была хрупкая черноволосая совсем юная девушка по имени Паола. Была ли она его подругой или помощницей в делах, не знал никто. Сам Вайс никогда не объяснял ее присутствие, просто говорил: «Это Паола». Почти всех его собеседников такое представление вполне устраивало. А если

щих в составе двух полных дивизий и нескольких бригад. В последующие три года контингент был значительно увеличен, достигнув на пике войны 540 тысяч человек.

кто-то вдруг начинал задавать вопросы, то сразу же встречался с ледяным взглядом Мартина. Возникала неловкая пауза, и всякое любопытство моментально улетучивалось.

В 1967 году Вайс в очередной раз прибыл во Вьетнам, но теперь уже в составе военной делегации для участия в расширенном заседании комитета начальников штабов под руководством командующего американскими войсками во Вьетнаме – самого генерала Уэстморленда. А через несколько дней Мартин вдруг пропал без вести. Исчез. Отчаявшись обнаружить тело миллионера, его официально признали погибшим от рук вьетконговцев. Паолу тоже больше никто не видел. Как и миллионов Вайса.

Ах да... Исчезнувший был как две капли воды похож на умершего Тома Уокера. Но так как никто не знал их обоих одновременно, то никаких связей не обнаружилось: один утоплен бандитами в озере, а второй через четыре года пропал в джунглях. Упокой Господь их души...

Появление Контролера. Париж

Малин, вернувшись в отель, наматывал круги, расхаживая по небольшому пространству между кроватью и столом, пытаясь разложить по полочкам все происходящее и определить свои дальнейшие действия.

– Итак, предположим, я наткнулся на реальные факты, проливающие свет на настоящих заказчиков и, возможно, даже исполнителей теракта «девять-одиннадцать». Меня сразу же сдали тем, кто заинтересован в молчании. В итоге, пока они размышляли и вели со мною беседы о фальшивке, пытаясь замять всю эту историю, Ричард понял всю опасность ситуации и, воспользовавшись их медлительностью, отослал меня из страны. Далее? Те, кто хотят, чтобы я помалкивал, скорее всего, и убили Филиппа Маршалла, который каким-то образом получил взрывоопасные документы об одиннадцатом сентября. Похоже, и до ФБР дошло, что я не тот человек, который откажется от расследования самого главного теракта современности. Они, разумеется, поняли, что я не только заглянул в архив, за которым они охотились, но и, конечно, сделал с него копию. И теперь я очередная мишень...

Неожиданно тишина взорвалась хриплым голосом Луиса Армстронга: «Иди, Моисей, в землю Египетскую. Скажи фараону, чтобы отпустил мой народ». Сотовый телефон вибри-

ровал и медленно подползал к краю стола.

Малин схватил трубку и, уже нажав на «ответить», понял, что этого делать не стоит, ведь сотовый телефон – это точное определение его места нахождения. Но в те же секунды в его голове пронеслось: во-первых, поздно, а, во-вторых, если бы им понадобилось, то они легко бы определили, что он в данный момент находится в номере парижского отеля «Лотти». И, в-третьих, он даже не посмотрел на определитель номера, что уже говорило о внутренней панике, которую сейчас никак нельзя допускать. Надо тихо исчезать из Парижа, принял решение журналист, и спокойным голосом произнес:

– Слушаю.

– Привет, Макс! Это Джейн Томпсон из «Вашингтон Пост». Прости, что беспокою в командировке, но ты обещал меня выручить. Помнишь, я тебя просила по убийству Кеннеди посмотреть? Там, где я не смогла идентифицировать тех, кто был реальными свидетелями убийства. Есть фото, много фото, а несколько персонажей, которые наблюдали за происходящим, никак не определяются.

– А как ты их классифицируешь? – Макс, разговаривая с Джейн, постепенно приходил в себя, понимая, что этот разговор никакой опасности для него не представляет.

– Понимаешь, большинство из тех, кто видел убийство Кеннеди, были допрошены ФБР, давали интервью... Ну, в общем, я перелопатила весь архив, и в результате на фото и видео нашла шесть человек, которые смотрят прямо на кор-

теж, но нигде в отчетах их нет. Есть молодые люди, которые наверняка и сейчас живы. Было бы здорово их найти и взять интервью о том, что они видели и какие ощущения испытали. Поможешь мне? Ты же обещал...

– Ладно, – Малин был уверен, что его телефон наверняка слушают, и поэтому решил изображать полное спокойствие и демонстрировать якобы непонимание происходящего, что, возможно, даст ему время. Сейчас для них он просто журналист в командировке, помогающий своей очаровательной коллеге. – Ладно, Джейн. Пришли мне фотографии, я посмотрю, поинтересуюсь у своих источников. А через день-два перезвоню тебе. Или по почте напишу. Годится?

– Ой, Макс, ты просто прелесть! Я тебя уже почти люблю! А фотографии я отправила тебе на почту. Все! Не буду мешать и очень жду от тебя информации.

– Пока. Удачи тебе, Джейн.

– И тебе, Макс!

Малин, понимая, что сейчас любые панические действия вызовут ответную реакцию, почти спокойно включил ноутбук, открыл сообщение от Джейн и начал листать старые цветные и черно-белые фотографии.

Он смотрел на события сорокалетней давности, не вникая и скользя легким взглядом по незнакомым лицам. Хотя нет. Вот знакомый персонаж – личный фотограф президента Сесил Стоутон, растерянный и испуганный, а это Вес Уайз, журналист и бывший мэр Далласа. Ничего себе! А это же сам

Авраам Запрудер растерянно крутит в руках камеру и всматривается во что-то над головами прохожих. Тот самый Запрудер, которому удалось совершенно случайно снять единственный в своем роде 26-секундный любительский фильм, запечатлев убийство Кеннеди. Рядом – девушка, стоит к камере вполоборота, что-то говорит Запрудеру. Справа высокий молодой мужчина лет тридцати с зачесанными назад черными как смоль волосами и пронзительным взглядом. Макс замер, всматриваясь в лицо незнакомца. Он знает этого человека! Он точно его знает! Эти строгие, слегка заостренные черты, странная, ничего не выражающая полуулыбка, глубокие и строгие глаза со скользящим лучиком угрозы. Господи! Господи... Он... Этого не может быть!

С фотографии на Малина смотрел загадочный незнакомец, который находился в составе российской делегации в 98-м году на переговорах по украденному кредиту Валютного фонда. И он же – тот самый высокий и седой старик, стоявший на Вашингтон-стрит и смотревший на атаку террористов в Нью-Йорке 9 сентября 2001 года. Это лицо было узнаваемо и через тридцать восемь лет, прошедших от убийства Кеннеди до самолетов, врезавшихся в здания ВТЦ.

Может быть, кто-то бы и не узнал в семидесятилетнем старике тридцатилетнего мужчину, но только не Макс. У него не было ни малейшего сомнения в том, что на всех трех фотографиях, сделанных в 1963, 1998 и 2001 годах, запечатлен один и тот же человек.

– Этого не может быть. А если и может, то почему все три фотографии в столь короткое время оказались у меня? – мысли метались как слепые котята, то наползая друг на друга, то смешиваясь в один клубок и тут же рассыпаясь в разные стороны. Но вскоре верх взяла годами отработанная привычка структурировать произошедшее вне зависимости от неожиданности самих событий. – Итак, если этот незнакомец находился в самом очаге трех глобальных преступлений, то вариант случайности полностью исключается. Два совпадения – это случайность, а три – закономерность. Соответственно получается, что убийство Кеннеди в Далласе, кража миллиардов, предназначенных России, и теракт «девять-одиннадцать» в Нью-Йорке связаны между собой присутствием одного и того же человека.

А если предположить, что этот мужчина – представитель некой международной преступной группы, которая в своих, пока неведомых, целях осуществила все три мероприятия? Какой-нибудь контролер? Вот пока так и буду его называть – Контролером.

И теперь прямо-таки напрашивается версия о том, что это Контролер за два часа до атаки на «близнецов» разговаривал по телефону с «Джеймсом», находившимся в здании ФБР, и именно голос Контролера зафиксирован на попавшей ко мне записи из архива Маршалла. Тогда становятся еще прозрачней и ясней причины, по которым на меня объявило охоту ФБР. А может быть, уже и не ФБР? Что, если они только до-

несли кому-то информацию о том, что я получил доступ к исчезнувшему архиву, и охотиться начала уже сама организация, в которой работает Контролер? Или работал до недавнего времени... Черт! Вопросов, как всегда, больше, чем ответов. Но, по-моему, я наткнулся на что-то совершенно запредельное и весьма опасное.

А как же получилось, что такие разные кусочки мозаики, связанные с Контролером, вдруг оказалась у меня? – продолжал рассуждать Макс, захлопнув ноутбук и присев в широкое кресло. – Такое порой бывает. Иногда годами ловишь рыбу, но попадается одна мелочь, а потом вдруг идет косяк – и начинается настоящий отлов. Это же чистой воды удача, которая подолгу молчит, а потом только лови и лови... Черт! Черт! Однозначно надо исчезать. Исчезать из отеля, из Парижа, рвать все контакты, менять средства связи... Жить очень хочется. А если в итоге распутать всю эту историю и выдать ее громким журналистским расследованием или, еще лучше, отдельной книгой, то мое имя войдет в анналы мировой журналистики. Да и деньгами пахнет немаленькими... Прости меня, Господи, за цинизм.

Вдруг затихшая парижская улица, как канонадой, взорвалась шумом толпы. Задумавшемуся Малину показалось, что нарастающий гул самостоятельно распахнул створку окна, настолько он был густым и многоголосым. Макс подскочил и метнулся к балконной двери. По Рю-де-Костильон к Вандомской площади, не торопясь и пританцовывая на хо-

ду, медленно двигался многотысячный гей-парад – разукрашенные трансвеститы дули в дудочки, а мужеподобные дамы колотили в литавры. Шум стоял невообразимый. Огромная пестрая змея, состоящая из множества человеческих чешуек, медленно выползала с Рю-де-Риволи и заполняла все примыкающие улочки. На минуту пестрая толпа остановилась у входа в отель, кому-то стало плохо. Тут же выскочили швейцары и засуетились вокруг молодого парня в блестках и перьях, потерявшего сознание и картинно откинувшегося на тротуар.

Макс понял – это его шанс. Быстро достав флеш-накопитель, который всегда возил с собой, очень мощный и совсем маленький, с фалангу мизинца, он быстро скачал всю нужную информацию из компьютера. На флешке оказались и архив Маршалла, и фотографии Олега Артаева, присланные из России, кадры из Далласа и еще много всего, что могло бы понадобиться в самых непредвиденных обстоятельствах. Потом Макс, действуя уже автоматически, раскрутил ноутбук, достал жесткий диск, засунул его во внутренний карман куртки. Туда же отправились паспорт, кредитки, наличные деньги. Все остальные вещи он разбросал по номеру, демонстрируя возможным преследователям вероятность того, что хозяин скоро вернется. Там же остались и оба сотовых телефона с сим-картами на его имя. Тихо открыв дверь, Малин вышел в коридор, спустился по лестнице в холл и незамеченным выскочил на улицу, а через минуту растворился в раз-

ноцветной орущей толпе гей-парада.

Париж шумел теплой и солнечной субботой. Расслабленные и нарочито небрежно одетые парижане, расположившись за тесными столиками вдоль бульвара Капуцинов, рассматривали плавно текущие толпы туристов, наводящих свои фотоаппараты и телефоны на столь привычные французам старинные дома и яркие витрины. Неторопливая французская речь терялась в многоголосье китайских, русских, английских фраз, летевших со всех сторон и сплетающихся в единый монотонный гул. Запах кофе струился из каждого кафе, щекотал ноздри и звал присесть за столик между двумя кленами.

Макс зашел в банк и снял со своего счета все оставшиеся деньги – почти тридцать тысяч евро, а тихо урчащий банкомат позволил очистить и весь лимит по золотой кредитной карте, выдав еще девять тысяч. После процедуры с банкоматом, пока еще позволявшей проследить передвижение владельца карты, он прошел метров пятьсот и в ближайшем магазине электроники купил два мобильных телефона и небольшой, но мощный ноутбук в сумке, в которую благополучно упаковал и содержимое карманов. Все. Теперь – недосыгаем.

Он прошел к стоянке такси, уселся в машину и попросил отвезти его в 13-й округ, на авеню Иври. Вскоре шумный центр остался позади, а за окном замелькали китайские и вьетнамские надписи, подле маленьких лавочек о чем-то

оживленно беседовали невысокие люди в пирамидальных соломенных шляпах, а на перекрестке располагался «Макдоналдс», чье название было сложено из трех иероглифов. Там Малин отпустил такси и углубился в переулки гигантского парижского Чайна-тауна. На пересечении двух маленьких улочек Макс нашел то, что искал: незаметный тихий отель с обшарпанными стенами, низкой двустворчатой дверью и парой обязательных китайских фонариков.

В невзрачном полутемном холле за стойкой сидел очень полный лысый китаец, который, услышав звон колокольчика у входа, не спеша поднял на гостя глаза, в которых мелькнуло секундное удивление, тут же сменившееся выжидательным спокойствием. Гость, заявив хозяину, что хочет снять тихий номер на пару дней, назвался Джошуа Ирвингом и изъявил желание сразу же оплатить номер наличными. Китаец огласил сумму, вдвое превышающую обычную цену в подобных отелях, но Макс молча достал деньги и протянул толстяку, сразу же позабывшему о необходимости посмотреть документы нового постояльца. Через минуту Малин получил ключ, привязанный к деревянному шарiku с номером, и поднялся по очень узкой лестнице на третий этаж.

Комната являла собой предел минимализма даже в китайском представлении, но вполне устроила неприязнательного Макса, одинаково комфортно чувствующего себя как в роскошном «Рице», так и в палатке в джунглях. Квадратное помещение почти полностью занимала огромная и очень низ-

кая кровать, а точнее, простой матрас, укрепленный в деревянной раме. На стене висело мутное зеркало, вокруг которого располагалось несколько китайских рисунков, а единственное окно выходило на соседнюю улицу.

Жилец прилег на кровать, открыл ноутбук, достал электронные носители и начал в очередной раз просматривать фотографии и документы, пытаясь сложить воедино все те обрывки информации, которые оказались в его распоряжении и вызвали столь неожиданные последствия.

«Итак, похоже, что я наткнулся на какую-то тайную и давнюю организацию, которая стоит за убийством Кеннеди, многомиллиардным воровством денег Международного валютного фонда и атакой террористов на здания ВТЦ. А может, и не террористов? А может, и не организация, а какой-то один злой гений?

Но я – думал Макс, – знаю, во-первых, лицо их Контролера, присутствовавшего на всех трех акциях; во-вторых, они связаны с ФБР и, возможно, администрацией Белого дома; в-третьих, я пока исчез из поля их зрения, но они точно будут меня искать. И, скорее всего, искать будут уже не ФБР или спецслужбы, которые меня прохлопали в Вашингтоне, а сама Организация. И самое главное: они пока не понимают, что я уже знаю Контролера и имею доказательства, которые связывают между собой все три события.

А что делать дальше? Надо здесь на время затаиться и попытаться найти какие-нибудь нити, ведущие к Организации,

или хотя бы получить больше информации, которая поможет систематизировать их действия за последние сорок лет. Не может быть, чтобы они больше нигде не засветились!»

Джия

День медленно превращался в вечер, цветные блики от рекламы, мигающей на соседней крыше, заползли в окно и играли на светлых стенах. Макс откинулся на подушку и провалился в легкую дремоту, мягкую и почти неосязаемую, как летние облака.

Громкий женский крик и перекрывающая его визгливая мужская ругань на китайском заставили Малина подскочить с кровати. И тут же раздался удар в дверь номера. Гулкий, но не сильный. Как будто кого-то толкнули. И снова женский крик.

Макс моментально сбросил остатки сна, тело напряглось и превратилось в натянутую струну. Неужели нашли? Он беззвучно подкрался к двери и глянул в глазок. Дверь номера напротив была распахнута, в проеме стоял в одних трусах молодой китаец странного женственного вида, а прямо возле комнаты Макса высокая черноволосая китаянка вырывалась из рук еще одного своего соотечественника, державшего ее за плечи. Через секунду китаец, схвативший девушку, сильно встряхнул ее и что-то закричал, она презрительно посмотрела на него и бросила несколько фраз. После чего он оттолкнул ее и ударил по лицу с такой силой, что девушка упала, ударившись головой о дверь, ведущую в комнату Малина.

И тут Макс не выдержал. Резким движением распахнул тонкую деревянную дверь, перепрыгнул через лежащую на полу китаянку и нанес сильный прямой удар в лицо ближайшему противнику. Тот повалился мягко и беззвучно. Второй китаец, стоявший в дверном проеме, выскочил в коридор и, приняв боевую стойку, начал медленно приближаться. Этот голый молодой человек, чьи глаза, как заметил Макс, были разукрашены женской косметикой, вызвал у Малина невольную улыбку. Но неожиданно китаец изогнулся, подпрыгнул и сильно ударил Макса в подбородок. И это решило его судьбу. Малин отпрянул и, развернувшись в прыжке, мощным ударом ноги припечатал противника к стене. Уширо маваши¹⁷ сработал безотказно. Агрессивный азиат медленно сполз и распластался на полу рядом с напарником.

– Эй! Вы же его не убили? – мягкий, отдающий чуть в хрипотцу женский голос заставил Малина обернуться.

Девушка поднялась, прижавшись к дверному проему, и пыталась вытереть кровь, сочившуюся из разбитой губы. Ей это не удалось, и кровь оставила несколько ярких линий на смуглой щеке.

– Нет. С ними все будет хорошо. Через полчаса оба придут в себя. Ну, у второго, возможно, сотрясение. Не больше. Как вы? – спокойно отозвался Макс, не отрывая взгляда от девушки. Несмотря на всю необычность ситуации, он

¹⁷ Уширо маваши гери – удар ногой с разворота в область головы. Карате куксинкай.

невольно залюбовался этой странной китайкой. Лет двадцати пяти, высокая и тонкая фигура, редко встречающаяся у ее соотечественников; черные длинные волосы обрамляли строгое, с четко выраженными скулами лицо; необыкновенно широкие, напоминающие миндаль глаза, тонкий и ровный нос идеально гармонировали с чуть изогнутыми в легкой усмешке губами.

– Я в порядке, – тихо молвила китайка. – Только вот... Нам надо отсюда уходить, скоро здесь будет жарко.

– Ну, во-первых, меня зовут Макс, – не сводя глаз с девушки, представился Малин. – А, во-вторых, с чего вы взяли, что мне тоже надо уходить? До того, как ваши друзья так невежливо постучали ко мне в номер, я спокойно спал. И вообще, я тут живу.

– Я – Джия. А еще я сводная сестра этого раскрашенного придурка, – она указала на одного из лежащих в коридоре китайцев. – Гуанмин – трансвестит. Но это было бы его личным делом, если бы он не продавал себя всевозможным богатым геем, которые слетаются к нему со всего Парижа. Плюс кокаин... И если коротко и без вопросов, то минут через тридцать – сорок здесь появится полиция, которой информатор уже сообщил о том, что в это время здесь состоятся сеансы платной любви и будет море кокса. Кроме того, в это же время сюда прибудет парочка поставщиков наркоти, у которых это животное, лежащее возле моего братца, – Джия брезгливо толкнула ногой второго китайца, – плани-

ровало приобрести крупную партию. Представляете, какая будет встреча?

– Стоп! Стоп, Джия! А как вы догадались, что и мне лучше исчезнуть? – поинтересовался Макс, заведя девушку в номер и тихо прикрыв за ней дверь.

– А вы думаете, что хорошо одетые американцы – ее голос зазвучал насмешливо, – специально приезжают во Францию, чтобы провести ночь в самом дешевом и грязном отеле парижского Чайна-тауна? Это же понятно, что вам желательно не сталкиваться ни с полицией, ни с кем-либо другим.

– Хотя я и не коренной американец, а родился в России, но в остальном вы абсолютно правы. Надо уносить ноги отсюда, – признал Малин, быстро кидая вещи в сумку от компьютера. – Да, а что будет с вашим братцем? Вы его оставляете?

– Из последней беседы с Гуанмином, часть которой вы слышали, я поняла, что он уже никуда не уйдет. Он окончательно выбрал свой путь в темноту... Это все – финиш. Я пыталась спасти его из последних сил. И я сообщила полицейскому информатору о сегодняшней сходке. А когда хотела дать ему последний шанс и увести отсюда до прихода как наркоторговцев, так и полиции, он ударил меня, заявив, что я предательница. Так что мне теперь тоже придется где-то скрываться...

– Я тебя понял, Джия. Уходим.

Через несколько минут они вышли в тусклый свет китай-

ских фонариков, скудно рассеивавших мутный мрак парижской ночи. Затерянные кварталы Чайна-тауна спали нервным и чутким сном, а опасность таилась в каждом из переулков, уходящих в полную темень. Джия в темных джинсах и узкой обтягивающей футболке, легко скользившая по путанице улочек, казалась Малину странной девочкой-подростком, совершенно неуместной во всей этой грубой и жестокой истории, которая так неожиданно их свела.

– Нам бы стоянку такси найти, – неожиданно охрипшим голосом сказал Макс, – или отельчик какой-нибудь поблизости.

– Сейчас здесь такси не найдешь, а с отелями ночью в районе проблемы. Я говорю об отелях, где не надо предъявлять документы. Тебе только такой нужен? – обернулась к нему, улыбнувшись, Джия.

– Ты удивительно догадлива. Может, посоветуешь что-нибудь? Ты же местная.

– Пойдем к Сюли. Это моя единственная подруга, о которой не знает Гуанмин. Она работает горничной в одном небольшом, но вполне приличном отеле неподалеку. Ну, Сюли, вообще-то, была раньше горничной, а сейчас она как бы управляющая... И подруга хозяина отеля. Надеюсь, там можно будет отсидеться какое-то время.

Ее спутник молча кивнул. Выбирать особо не из чего, а ему сейчас была необходима возможность провести день-другой в безопасности и понять дальнейшие действия. Тем

более в отчаянной голове Макса уже сложился пока еще туманный и весьма рискованный план первых шагов по поиску загадочного незнакомца, чье случайное появление в жизни журналиста породило такую невероятную цепь событий.

Пройдя несколько переулков, Джия позвонила в запертую дверь небольшого отеля с китайским названием, зажатого между продуктовым магазином и каким-то непонятным офисом – то ли обмена валют, то ли приема ставок. Домофон ответил им заспанным женским голосом. Джия что-то сказала по-китайски, и после короткого диалога дверь автоматически открылась, они вошли в скромный, но аккуратный и ухоженный холл.

Через минуту Сюли, маленькая заспанная китаянка, закутанная в халат, расцеловалась с Джией и провела их на второй этаж. Идя по коридору, она пробормотала по-английски, что свободных комнат в отеле нет, но она их поселит в один номер, который только вечером освободился. И не надо переживать – комната большая, там есть свой туалет с душем и две кровати. А деньги? Деньги завтра, сейчас спать надо.

Оказавшись в большой, чистой и вполне приличной комнате с двумя кроватями, телевизором, письменным столом и платяным шкафом, Макс и Джия пару минут сидели молча. Каждый думал о своем. Неожиданно девушка прервала молчание:

– Ты преступник? Тебя ищут?

– Меня действительно ищут, но я не преступник, – отве-

тил Малин, откинувшись на спинку кровати.

– А... Так ты – мафия, и тебя ищут свои же?

– Нет. Я попал в передрагу, и теперь, похоже, меня разыскивают все, – засмеялся Макс, раскрывая ноутбук, – Ты ложись. Отдыхай. А я еще кое-что посмотрю. Подглядывать и приставать не буду. Честное слово.

– А я и не боюсь, – едва слышно откликнулась его спутница, натянув на плечи плед и усевшись на кровати по-турецки. Она выключила большой свет, и блики от настольной лампы, стоящей на столе перед Максом, отбрасывали на ее лицо странный желтоватый свет, превращавший точеные черты Джии в скульптурную мраморную нереальность.

– Я тебя не боюсь, – повторила она снова, срываясь в легкую хрипотцу. – Не знаю почему. Я многое видела – и, поверь, у меня есть внутреннее ощущение опасности. Любой. Я ее чувствую заранее. Как там, в отеле. Но в тебе не видно ничего опасного для меня, никакой угрозы, а наоборот – какое-то спокойствие, умиротворение, тишина. Хочешь, помолчим?

Малин кивнул, не отрывая взгляда от Джии. Она склонила голову к стене, замерла, прикрыв глаза. Странное, незнакомое ощущение, пришедшее сразу же, как только они вошли в комнату, манящее и пугающее своей нереальностью, росло где-то внутри его сознания. Макс чувствовал, что вся суэта и напряжение последних дней провалились куда-то в темноту, остались за порогом. За тем порогом, который пересечь

смогли только он и эта китайская девочка, невесть какими путями оказавшаяся рядом. Нет, это не то, о чем подумалось сразу. Не то, что было с сотнями других – или даже с той, давней, одной, которая из прошлого. Нет, здесь дело в чем-то другом, еще пока непонятном...

Он встал и тихо подошел к Джии. Та как будто почувствовала, открыла глаза и беззвучно поднялась к нему навстречу, сбросив плед. Он обнял девушку и тут же ощутил, как по ее телу будто прошел разряд тока. Время замерло, а через секунду рассыпалось множеством мелких осколков и перестало существовать. И только за окном где-то далеко с воем пронеслась полицейская машина.

Когда позднее утро окончательно залило комнату солнечными лучами, прорвавшимися сквозь облака, громким гулом автомобилей за окном и шумными разговорами китайцев, завтракающих в кафе на первом этаже, Макс поднял глаза от компьютера и невольно залюбовался просыпающейся Джией. Нет ничего прекрасней женщины, когда она медленно расстается с хрупким миром недавних сновидений, в эти мгновения в ней появляется то самое, неопределенное и неназванное, которое так притягивает взгляд... Он подошел к спутнице и присел на край кровати.

Малин вот уже несколько часов пытался осуществить почти нереальную идею – он просматривал все имеющиеся в сети фотографии крупных терактов, громких событий, повлиявших на изменения в мировой политике и расстанов-

ке глобальных сил с момента убийства Кеннеди. С 1963 года. Он всматривался в лица случайных прохожих, невольных очевидцев, в робкой надежде увидеть то самое знакомое лицо. И сейчас, вернувшись к столу, Макс погрузился в очередную порцию жутких фотографий – убитые люди, искореженные взрывами дома, бегущие женщины, прикрывающие своими телами детей...

И вот, добравшись до 1981 года, он углубился в фотографии покушения на Папу Римского Иоанна Павла II¹⁸. Сотни изображений в достаточно высоком разрешении, а также несколько хороших видео позволяли четко рассмотреть лица находившихся на площади Святого Петра в Ватикане в момент выстрела и в первые минуты после покушения.

Вот восторженная толпа встречает автомобиль понтифика. Вот, перегнувшись через поручни кузова, Иоанн Павел II склоняется, чтобы вернуть родителям белокурую девочку лет трех, которую он только что поднял высоко над толпой. Вот, отдав ребенка, он перед тем, как выпрямиться, успевает погладить по головкам еще двух малышей. Вот папский «джип» уже трогается с места. Звучат выстрелы, и Иоанн Павел медленно оседает на руки личного секретаря и камердинера, находящихся в машине.

На кадре позади падающего Папы напротив места, откуда

¹⁸ 13 мая 1981 года во время прохождения папского кортежа по площади Святого Петра в Риме религиозный фанатик Али Агджа выстрелами из пистолета серьезно ранил Папу Римского Иоанна Павла II в живот и руку.

стреляли, Макс увидел мальчишек, пытающихся разглядеть происходящее. За ними были четко видны лица трех мужчин, один из которых, стоящий в центре, спокойно всматривается в происходящее. Остальные весьма эмоциональны и, встревоженно вытянув шеи, вглядываются, пытаются понять, что же случилось. А этот невозмутим и смотрит уверенным взглядом человека, который понимает, что происходит.

– Есть! – вскрикнул Малин и тут же обернулся взглянуть на дремлющую Джию. И, убедившись, что не потревожил ее сон, снова опустил взгляд на экран. На фотографии был тот самый мужчина, чье лицо он обнаружил на фото, сделанном в момент убийства Кеннеди. Этот же человек был в Нью-Йорке на месте уничтожения «близнецов» и на фотографиях, присланных из России и Монако во время хищения миллиардного транша и убийства швейцарского банкира.

1963 год – Даллас, 1998 год – Москва, Монако, 2001 год – Нью-Йорк. И теперь еще и 81-й в Риме. Это был один и тот же человек, и даже большая разница в возрасте не помешала Максу узнать черты, взгляд, осанку. Тогда, в 63-м, если судить по фото, ему было примерно лет тридцать, а с римской фотографии 1981 года на журналиста смотрел уже пятидесятилетний мужчина.

Стоя у открытого окна и глядя на утреннюю суету парижского Чайна-тауна, Малин снова и снова спрашивал себя, как же так получилось, что в его руках вдруг оказалась самая большая загадка последнего столетия. Какими извилистыми

путями протянулась к нему связующая нить, уходящая в далекий 1963 год и собравшая воедино совершенно не связанные на первый взгляд события? Кто дал ему эту нить – и сможет ли он, русский парень с американским паспортом по имени Макс Малин, когда-нибудь узнать всю глубокую суть произошедшего, которая, несмотря на полученные факты, пока еще не превратилась в окончательное понимание? Но она, эта суть, была где-то совсем уже рядом. Малин почти физически чувствовал, что рано или поздно вся эта невероятная мозаика окончательно сложится в единый и понятный рисунок.

Джия беззвучно села напротив окна, закутавшись в плед.

– Ты победил?

– Пока еще нет. Скорее, запутался еще больше. Открытие следует за открытием с такой скоростью, что мне становится страшно.

Он молча смотрел в окно, и внутри зрело странное чувство, связывающее воедино загадочную цепь событий и образ Джии, уютно устроившейся в несуразно большом кресле. Макс никогда никого не посвящал в подробности своих расследований, пожалуй, за исключением Ричарда Бервика, но сейчас все было по-другому. Иначе, чем раньше. Ему вдруг показалось, что эта китайская девочка должна неминуемо сыграть определенную, возможно, даже главную роль во всей этой странной истории.

Малин медленно прошел по комнате, плеснул в чашку ко-

фе из кофейника и сел за компьютер, повернув его к Джии.

– Послушай. То, что я тебе расскажу и покажу, возможно, покажется странным и даже невозможным. Я сам еще не очень осознаю то знание, которое оказалось в моем распоряжении, и пока еще не понимаю, как и что делать дальше. Может быть, рассказывая все это, подвергаю и тебя опасности.

– Макс, наверное, это прозвучит банально, знаешь, как в примитивных романах, но в данный момент я просто хочу идти рядом с тобой. Понимаешь? Хочу! Я не знаю, что будет через день или месяц, но сейчас чувствую потребность быть возле тебя. В первую очередь потому, что мне это необходимо. Эгоизм, понимаешь ли, – улыбнулась его собеседница, – И неважно, расскажешь ли ты мне все или нет... Для меня это вторично. И если решишь молчать, то, значит, я пойду за тобой в неведение.

И Малин заговорил. В мельчайших подробностях он рассказал Джии всю историю, начиная с появления вашингтонского информатора и заканчивая сегодняшним открытием. Он показывал ей документы из архива Маршалла и демонстрировал фотографии, подробно рассказывал про события почти полувековой давности. Несколько раз удивленно поднимал глаза, слушая замечания и вопросы Джии и радостно понимая, что перед ним сидит не просто изумительно красивая и желанная женщина, а умный и вдумчивый партнер.

– Ты кто и откуда? – тихо спросил Макс, вдруг прервав свой рассказ. – Такого ведь не бывает, правда же? Ты в свои

юные годы знаешь все то, о чем я рассказываю, строишь логические цепочки, как специалист из каких-то серьезных спецслужб или, в крайнем случае, как опытный журналист. И при этом ты, пожалуй, единственная в моей жизни женщина, от которой я чувствую зависимость. Я ведь почти ничего не знаю о тебе.

– Хорошо, – голос Джии снова ушел в легкую хрипотцу. – Я скажу тебе, кто я, но не думаю, что тебе это понравится. Ты ведь такой правильный и положительный во всех отношениях – почти рыцарь без страха и упрека, воюющий за правду.

– Не говори глупостей. Сейчас я в первую очередь спасаю свою жизнь. И, наверное, теперь уже и твою, так как мы вляпались в совсем нехорошую историю. Да что там говорить... Ты и сама все понимаешь. Так что говори.

– Знаешь, Макс, – продолжила Джия, не замечая возражений того, – после того, что я услышала от тебя, ты имеешь право знать правду и обо мне. Но эта правда будет короткой. Я – Джия Шень, родилась в 88-м году в Китае, в провинции Сычуань. Город Чэнду. Но это все просто цифры и места.

Главное то, что мой отец был лунг тао в Лондоне. Лунг тао в дословном переводе с китайского означает «голова дракона», а у нас так называют главу «Триады», по-вашему мафии, в каком-то отдельном регионе. Мой отец Бэй Шень на протяжении 17 лет возглавлял китайскую мафию в центральной части Лондона. А я была его цветком и смыслом жизни. К двадцати годам я смогла получить удивительное обра-

зование – от китайской науки и истории до последних научных достижений Европы и Штатов, от древних философов до Фитцджеральда и Бродского. Ну и – в нарушение всех традиций триад – я была, пожалуй, единственной женщиной, которой лунг тао разрешал присутствовать на важных встречах и переговорах.

– А сейчас что с твоим отцом? И почему ты здесь, в Париже?

– Великий Бэй Шень умер десять лет назад – летом 2008 года от странного отравления. Никто не мог понять причину смерти, и вскрытие не обнаружило никаких ядов в его организме. Но это на словах. В действительности же все близкие люди понимали, что Шень отравили. Китайская медицина знает сотни способов отправить человека тропой смерти без каких-либо остаточных явлений.

Однако никто ничего доказать не смог, и мой великий отец ушел неотмщенным. А я не смогла больше находиться в Лондоне, где все, как мне казалось, буквально пропитано духом отца, и вскоре объявила новому лунг тао о своем решении уехать из Англии. Меня никто не удерживал, и я оказалась в Париже, где до сих проживаю те небольшие суммы, которые мне выдал казначей лондонской триады.

– погоди! А откуда этот сводный братик, который на тебя накинулся?

– Гуанмин за свою сексуальную ориентацию и страсть к кокаину был изгнан из Семьи перед самой смертью отца. По-

том он нашел меня в Париже, где зарабатывал на наркотики проституцией в гомосексуальной компании. И я его пожалела. Ведь и раньше я была единственной из всех родственников, кто тепло относился к этому непутевому мальчишке. Но теперь его больше не существует... Макс... Макс, почему ты так на меня смотришь? Я, дочка главаря триады, теперь не вписываюсь в какие-то твои моральные границы?

Малин молча подошел к Джии и притянул к себе. И тут же их обняла тишина, которую вдруг перестали нарушать даже автомобильные гудки за окном... Так они и стоя втроем с тишиной, не чувствуя времени. Теперь они знали все, что нужно было знать для такого долгого молчания.

Когда парижский вечер разомкнул их объятия, разрисовав потолок комнаты мягкими бликами автомобильных фар и световых реклам, Макс остро почувствовал необходимость каких-то действий, которые смогли бы сдвинуть ситуацию с мертвой точки. Прямо сейчас, не откладывая ни на секунду. Это ощущение было сродни предчувствию, когда ловишь подсознанием какую-то едва слышную ноту, пытаешься поймать ее, ускользающую, и сохранить в памяти. И вот наконец-то...

Он сел к компьютеру и быстро набросал небольшой текст, снабдив его четырьмя фотографиями 1963-го, 81-го, 98-го и 2001 годов, на которых присутствовал загадочный незнакомец, чье лицо он обвел красными кружками.

«Я – Макс Малин, журналист-расследователь «Вашингтон Пост» (наверное, уже бывший), которого многие из вас хорошо знали и чьи статьи-разоблачения с интересом читали. Сейчас моей жизни угрожает опасность, и я вынужден скрываться, перемещаясь по Европейскому континенту, где вчера чудом избежал покушения. Опасность исходит как от спецслужб США, которым стало известно о том, что я обладаю очень, очень опасной для них информацией, так и от пока неизвестной мне Организации, на которой лежит ответственность за самые громкие преступления последних пятидесяти лет. И обе эти структуры, спецслужбы США и Организация, каким-то образом, возможно, связаны между собой.

Я располагаю серьезными доказательствами того, что за трагедиями, которые на первый взгляд совершенно не имеют ничего общего, стоят одни и те же люди. Вот лишь одно из них:

В моменты убийства президента Кеннеди в 1963 году, покушения на римского папу в 81-м, во время хищения миллиардов долларов, выданных МВФ России, и убийства свидетелей в 98–99-х годах, а также в минуты атаки на «близнецов» в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года на месте этих событий присутствовал один и тот же человек. На фотографиях, которые оказались в моем распоряжении, вы можете его увидеть. Смотрите внимательно, и пусть разный возраст этого человека не обманет вас. Здесь какие-либо

совпадения полностью исключены, как и монтаж.

Это только одна из составных частей страшной мозаики, которая в любой момент может сложиться в полную картину событий. И вы об этом узнаете от меня, журналиста Макса Малина. И тогда мир содрогнется от цинизма, происходящего в последние полвека, а многие очень важные до сих пор люди будут вынуждены скрываться или пустить себе пулю в лоб.

Но пока я вынужден скрываться, так как на меня объявлена охота. И если со мной что-либо произойдет, то знайте, что это сделали спецслужбы ряда стран, в первую очередь США, и та самая загадочная Организация, существование которой я обнаружил. Организация, представителя, а может, даже и руководителя которой мы видим на всех фотографиях.

А тех, кто пытается устранить меня, я предупреждаю, что все известные мне факты я задокументировал и спрятал в разных надежных местах, откуда они и возникнут в открытом доступе, если вам удастся меня уничтожить.

С уважением ко всем моим читателям, Макс Малин.»

– Зачем тебе это? – тихо спросила Джия, склонившись к плечу собеседника.

– Надо что-то делать. Я... мы зависли над пропастью, и если сами не сдвинем ситуацию с мертвой точки, то нам останется только прятаться в этом чертовом Чайна-тауне в ожи-

дании смерти. Что будет потом – не знаю, но ничего хорошего пообещать не могу. Знаешь, опыт подсказывает, что надо продолжать расследование, но перед этим как-то подстраховаться, чтобы в ближайшие дни наши трупы не обнаружили где-нибудь в Сене. У русских есть хорошая поговорка: «Ловить на живца»...

– Ты о чем?

– После того как информация, пусть даже и краткая, появится в Сети и будет распространена, она моментально станет информационной бомбой. А значит, им придется первыми делать какие-то шаги, которые нам дадут шанс продвинуться в дальнейших поисках.

– Кому «им»? Мы даже не понимаем, кто такие «они», чего хотят и как будут действовать...

– Правильно, Джия. Вот поэтому я и выкладываю часть фактов в открытый доступ. А там посмотрим...

А вскоре Малин, скопировав на флеш-накопитель свое обращение и фотографии, незаметно выскользнул из гостиницы и, отойдя на пару кварталов, сел в такси. Минут через сорок, оставив по левую руку сияющую огнями Эйфелеву башню и легко проскочив круговое движение у проспекта Турвиль, машина остановилась на Рю-де-Бабилон у небольшого интернет-кафе со странным названием «Baby Connect».

В кафе, несмотря на вечернее парижское многолюдье, сидели всего пять-шесть посетителей, сосредоточенно смот-

ревших в мониторы. Макс арендовал на час компьютер. Первым делом он открыл свою персональную страничку в «Фейсбуке», пользовавшуюся последние годы большой популярностью, так как Малин постоянно там размещал ссылки на свои публикации, отчеты о расследованиях, официальные документы.

За несколько минут Макс выставил заготовленный текст и четыре фотографии и, чуть помедлив, нажал кнопку «Опубликовать». Потом продублировал публикацию в тридцати популярных группах «Фейсбука» и разместил ссылки на публикацию в своем «Твиттере», где они стали доступны более чем двумстам тысячам читателей популярного журналиста. В итоге, по прикидкам Малина, информацию должны увидеть не менее полумиллиона человек, а в течение ночи, пока оппоненты очухаются и попытаются что-то сделать, его текст отправится массово гулять по всему интернету – и счет пойдет уже на миллионы.

Выходя из «Baby Connect», он набрал номер Джии и, пробормотав в трубку: «Все сделано. Еду к тебе», пошел быстрым шагом к станции метро «Севрс-Бабилон».

Неожиданно пустынная в это время улица встретила его мелкими брызгами теплого дождя, которые били в лицо и коварно проникали за воротник, ветер громыхал, катая по мостовой невесть откуда взявшийся обломок водосточной трубы. Страх, глубокий и пронзительный страх проник в самую глубину сознания и до предела сжал все потаенные и, каза-

лось бы, несжимаемые пружины воли. Макс оглянулся, не смотрит ли ему вслед, и побежал. Отпустило его только в говорливой и спешащей толпе пассажиров метрополитена.

А через несколько часов после возвращения в отель сообщники обнаружили, что все аккаунты Малина оказались взломанными – и информация, размещенная им из парижского интернет-кафе, исчезла. Но те, кто таким образом пытался остановить доступ к первым открытиям журналиста, опоздали. Они безнадежно опоздали. Тысячи копий, перепечаток и перепостов в блогах разнесли новость по Всемирной паутине. Однако все серьезные издания, как в США, так и в Европе, почему-то хранили гордое молчание. Ни один сайт крупной газеты или информационного агентства ни словом не обмолвился о «сенсации Малина», несмотря на то, что его имя было всем хорошо известно.

Уже засыпая, Макс подумал о том, что повсеместное молчание серьезных коллег по всему миру оказалось подтверждением всемогущества Организации. Именно это подтверждение он и хотел получить. Выходит, что его открытие настолько испугало кого-то всесильного, что с самых поднебесных верхов дали команду «молчать» даже самым серьезным и независимым изданиям. И коллеги покорно замолчали в ожидании развязки.

В шесть часов утра Париж просыпается. От аристократического Сен-Оноре до самодостаточного Чайна-тауна. Рас-

трепаные головы отрываются от теплых подушек, недо-
спавшие мальчишки отмахиваются от назойливости солнеч-
ных зайчиков, проникающих сквозь незаметные щели в што-
рах, женщины, вечером казавшиеся изумительными, отки-
нув одеяла, проскальзывают в ванные комнаты в поисках
вчерашней красоты. Шум оживающих улиц, проникающий
через две оконные рамы и вдруг тающий в шепоте кондици-
онера, непрекращающийся и назойливый, безжалостно кра-
дет последние секунды сна.

Уличный гул разбудил Малина. Он тихо встал с кроват-
и и, чтобы не потревожить Джию, босиком вышел на бал-
кон. Вроде бы ничего не изменилось, все было так же, как
вчерашним утром. Только какая-то тонкая, звенящая нить
невидимо вибрировала над Чайна-тауном. Нет... Нервы уже
совсем ни к черту. Все хорошо и спокойно.

Вот стоит автофургон с надписью «La cuisine est
délicieuse¹⁹», таких много катается по раннему Парижу, раз-
возя утренние продукты. Но стоп! Вчера утром здесь стоял
такой же фургон, но надпись была другая, и вчера в это же
время что-то разгружали шумные юноши. А сегодня тиши-
на. И белый фургон с темной кабиной просто стоит, выклю-
чив двигатель. А вот подъезжает вчерашний фургончик – си-
ний и разрисованный цветами, а новоявленный «La cuisine
est délicieuse» заводится и медленно откатывается в сторону,
занимая позицию на соседнем перекрестке.

¹⁹ «Вкусная еда» (франц.)

Макс, с трудом сдерживая желание двигаться стремительно, тихо возвращается в номер и склоняется над спящей Джией.

— Девочка моя, думаю, на улице происходит что-то странное. Нам лучше исчезнуть. . . . Не уверен, но рисковать не стоит.

Девушка тут же открыла глаза, как будто ждала этих слов, молча встала и начала собираться. Она не спросила ни о чем, и в тишине ее спутнику вдруг открылось то самое, почти нереальное, невозможное доверие, какое бывает, пожалуй, только у восточных женщин. Ты сказал, что надо уходить, значит, ты прав.

И когда они уже были готовы покинуть гостиничный номер, вдруг верещащей противной трелью зазвенел телефон, стоящий на тумбочке у кровати.

Джия сняла трубку, несколько минут слушала молча, а потом, что-то тихо ответив по-китайски, повернулась к Малину. Какой-то странный, еще недавно неведомый огонек метался в ее миндалевидных глазах.

— Макс, звонила Сюли. Та самая. . . . Которая нас тут устроила. Она говорит, что там пришел мой брат и просит меня срочно спуститься. Сюли сказала, что Гуанмин пьян и разъярен, так что мне лучше придти вместе с мужчиной. Но тут что-то не складывается. Во-первых, мой братец даже не знает о существовании Сюли и, разумеется, ни в какую гостиницу он в любом случае не мог прийти. А во-вторых, голос у

Сюли был очень странный, она так никогда со мной не говорила... И еще. Сюли, говоря по-китайски, в середине фразы вдруг сказала одно слово на корейском – «dalligi». Это значит «бегите!».

Малин еще вчера обратил внимание на то, что душевая комната соединена с такой же комнатой соседнего номера, и, схватив сумку, повлек Джию в душевую. Там он одним мощным ударом ноги провалил тонкую перегородку – и через минуту они оказались в соседнем номере, который, к счастью, пустовал и представлял собой длинную угловую комнату, а дверь выходила в небольшой коридорчик, расположенный под прямым углом к основному.

Они тихо открыли дверь, и Макс осторожно выглянул в соседний коридор. Там у дверей их номера стояли двое мужчин в длинных, совсем не по сезону плащах и одна женщина, которая медленно подняла пистолет и скомандовала: «Давайте! Пошли!». Через секунду мужчины плечами выбили дверь их недавнего убежища и ворвались в комнату. И тут Малин увидел напротив открытую настежь дверь освобожденного гостиничного номера, где сквозняк разметал шторы балконной двери, выходящей на противоположную сторону улицы.

Они переглянулись и вошли в пустой номер, где только что трудилась горничная, о чем свидетельствовали убранные кровати и стоящий посреди комнаты пылесос. Когда Макс с Джией оказались на балконе, из коридора донесся громкий

мужской голос: «Никого нет! Только что ушли! Проверьте коридоры и соседние номера! Брать только живыми». Беглецы быстро перелезли через парапет и, спустившись по ограде на этаж ниже, прыгнули на мостовую. И когда они уже бежали по узкой улочке, отталкивая случайных прохожих, где-то позади раздался выстрел.

Тот самый затемненный фургон с жизнерадостной надписью «La cuisine est délicieuse» сорвался с места, зацепив соседнюю машину, и попытался перекрыть им путь, но Макс, схватив спутницу за руку, резко свернул в соседний переулочек и налетел на молодого француза, выходящего из спортивного двухместного БМВ. Тот успел отскочить в сторону, зацепился ногой за бордюр и упал на мостовую, громко выругавшись. Макс, действуя почти в гипнотическом трансе, вдруг улыбнулся и, бросив вежливое «Pardonne-moi»²⁰, выхватил у лежащего на асфальте ключи от машины. И пока тот приходил в себя, Малин и Джия уселись в БМВ, взревел мощный двигатель – и беглецы, ловко проскочив мимо неповоротливого фургона, все еще пытавшегося перегородить улицу, помчались по узким переулкам Чайна-тауна.

– Направо! Теперь развернись и уходим по той улице! – отрывисто командовала Джия. – Быстрей! Быстрей! Тормози, тут всегда стоят копы. Уфф... Проскочили.

– Куда мы направляемся?

– Мы едем к одному удивительному человеку, который

²⁰ «Простите меня» (франц.)

обязательно поможет. А если и не поможет, то уж точно не сдаст. Быстрее, Макс!

Его Святейшество выжил. Ватикан. 13 мая 1981 года

Понтифик Иоанн Павел II, закончив веселый и приятный обед в компании давних друзей – профессора генетики Жерома Лежена²¹ и его очаровательной супруги Бьерт, проводил гостей до выхода из папской столовой и поручил их заботливому вниманию своего секретаря Дзивиша²².

Посмотрев на часы и убедившись, что до выезда на площадь остался еще почти час, понтифик зашел в кабинет и медленно опустился в кресло, утвердив локти на столе, и сжал руками виски. Иоанну Павлу II не давал покоя утренний разговор с главой Центрального банка Ватикана Полом Марцинкусом²³ и председателем католического банка «Ам-

²¹ Жером Жан Луи Мари Лежен (Jérôme Jean Louis Marie Lejeune, франц.) – французский врач-педиатр, сделавший ряд важных открытий в области хромосомных аномалий. Член Епископальной (Папской) академии наук, президентом Папской академии жизни. Близкий друг понтифика Иоанна Павла II.

²² Станислав Дзивиш (Stanisław Jan Dziwisz, польск.) – кардинал-священник, с 1978 по 2005 гг. – личный секретарь папы римского Иоанна Павла II.

²³ Пол Казимир Марцинкус (англ. Paul Casimir Marcinkus, 1922–2006 гг.) – католический епископ, президент Банка Ватикана (IOR) с 1971 по 1989 год. В 1982 году Марцинкус был скомпрометирован скандальным банкротством Banco Ambrosiano, крупнейшего частного банка Италии, с которым IOR имел тесные финансовые отношения.

брозиано» Роберто Кальви²⁴.

Эти двое, обмениваясь загнанными взглядами и старясь не смотреть в глаза Папе, еще раз подтвердили, что миллиарды, принадлежавшие Ватикану, нелегально прокручивались через католический банк «Амброзиано». Но не это испугало Иоанна Павла, недавно инициировавшего одновременную проверку Центрального банка Ватикана и банка «Амброзиано». Его испугало откровение Кальви, поддержанное Марцинкусом. Откровение о том, что через «папский банк», как в узком кругу знающих называли «Амброзиано», отмываются миллиарды долларов, принадлежащих китайским «Триадам»²⁵ и итальянской «Коза Ностре»²⁶. И сейчас, когда «Амброзиано» оказался на грани банкротства и может потащить за собой финансовые структуры Ватикана, Кальве умолял папу прекратить финансовую проверку хотя бы на несколько месяцев, чтобы успеть вывести криминальные деньги и аккуратно, тихо закрыть эту неприглядную историю.

Услышав предложение Кальви, понтифик пришел в несвойственную ему ярость и даже стукнул кулаком по сто-

²⁴ Роберто Кальви (итал. Roberto Calvi, 1920–1982 гг.) – председатель крупнейшего частного банка Италии Banco Ambrosiano, оказался в центре скандала в связи с банкротством последнего в 1982 году и вскоре был найден мертвым.

²⁵ «Триады» (*китайск.*) – китайские организованные преступные группировки, мафия, действующие как в самом Китае, так и по всему миру.

²⁶ «Коза Ностра» (*итал.* Cosa Nostra) – сицилийская преступная организация, итальянская мафия. В сферу влияния входит и итальянская административная область Лацио, включая Рим.

лу.

– Проверки будут продолжены – и все виновные наказаны. На этом разговор закончен!

– Ваше Святейшество, – пробормотал, склонив голову, Роберто Кальви, – если проверки продолжатся и «Амброзиано» обанкротят, то мафия, в первую очередь китайская, так как с итальянцами мы уже почти рассчитались, не получит свои полмиллиарда долларов. В том, что меня убьют, я даже и не сомневаюсь. Но китайцы, абсолютно равнодушные к католической вере, настолько обеспокоены судьбой своих денег, что, вполне возможно, пойдут на самые страшные крайности. Я в этой ситуации ничего не могу гарантировать ни Ватикану, ни Вам лично. Понимаете, для «триад» мы все просто пешки. И вы, Ваше Святейшество, для них обычный человек, мешающий вернуть их деньги, а не Наместник Господа Нашего.

– Вон отсюда, – тихо проговорил Понтифик, указывая обоим банкирам на дверь, – никто никогда не смел мне угрожать. И знайте, меня защищают не швейцарские гвардейцы, а Дева Мария. Аудиенция закончена.

И теперь Иоанн Павел снова и снова вспоминал разговор с банкирами, восстанавливая в памяти каждое слово. Нет, ему не было страшно, он понимал, что никто не посмеет поднять руку на Понтифика, но если финансовый скандал получит широкую огласку, то пострадает пока еще светлый образ самого Ватикана. Однако отменить проверки и пойти на пово-

ду у мафии Папа тоже не мог. Что же делать? Как поступить? Господи, укрепи меня, раба Твоего!

– Ваше Святейшество, – приоткрыл дверь тишайший Станислав Дживиш, бессменный личный секретарь и давний друг, – все будет хорошо, ведь Господь с нами. А вам пора уже на площадь...

Поль Морель не любил Рим. Обилие древностей не вызывало никакого трепета, а, наоборот, раздражало, давило своей непрерывностью, как географической, так и временной. И в очередной раз шагая по римским улицам, он чувствовал себя не на свой пятьдесят один год, а гораздо старше. Морель неторопливо шел по Борго Санто Спирито, направляясь к площади Святого Петра, оставив позади изгиб Тибра и мрачный замок Святого Ангела. Он двигался прогулочным шагом – высокий и статный, черноволосый, привлекающий своим чеканным профилем и темными, с какой-то совершенно необыкновенной желтоватой искрой глазами прекрасных итальянок.

– Senti, Superman vuole anche vedere il Papa!²⁷

Услышав у себя за спиной веселое чириканье двух юных девиц, Поль улыбнулся и чуть прибавил шагу, а через минуту, отойдя на приличное расстояние от наследниц древних патрициев, надел темные очки.

В этот день, 13 мая, в четыре часа пополудни небо над Римом было голубым и глубоким. Редкие облака проплывали

²⁷ «Смотри, супермен тоже хочет увидеть Папу!» (*итал.*).

на юг, исчезая за крышами старинных зданий, тянувшихся непрерывной сумрачной чередой вдоль Санто Спирито.

Поль Морель... Так называл себя этот человек. И в его внутреннем кармане действительно лежали паспорт и права на имя гражданина Франции Поля Мореля, тысяча девятьсот тридцатого года рождения. И изъяснялся он по-французски без какого-либо акцента, как истинный парижанин. А еще человек, называющий себя Морелем, так же свободно говорил на испанском, английском и русском языках. Впрочем, и итальянский он тоже знал относительно неплохо.

Морель остановился, закурил и снова углубился в размышления, прерванные веселыми итальянками.

– Пятьдесят миллионов долларов уже пришло от «триад» и сто от итальянцев. Это хорошая цена за то, что Папу серьезно припугнут. Надо, чтобы старик больше не лез с проверками в банк «Амброзиано». Странно, но Иоанн Павел все же инициировал проверку «Амброзиано», хотя наверняка знал, что именно через этот так называемый «католический банк» отмываются миллиарды как китайских «триад», так и итальянской мафии. А гигантские проценты за это остаются в руках руководства банка и перетекают непосредственно в распоряжение людей из Центрального банка Ватикана, а потом...

Хотя, возможно, лично Папа и не подозревает о китайцах и итальянцах – и поэтому так активно начал проверку банка. Схема-то проста до гениальности – под крышей Ватикана

никто и не смел даже подумать о наличии фактов отмыывания. Даже я набрел на «стиральную машину» банка «Амброзиано» совершенно случайно, благо судьба свела меня с его главой Роберто Кальве. Аферист еще тот... Ладно, хватит рассуждений, надо спасать ситуацию. И пусть все сложится как всегда. Бог мне в помощь!

Морель тихо рассмеялся собственным мыслям. Он обращается к Богу, готовя имитацию покушения на его представителя на земле. Смешно.

На перекрестке с Виа Де Кавальери он подошел к телефону-автомату, оглянулся по сторонам и бросил в щель мелочь. Через три гудка ответил мужской голос с легким арабским акцентом.

– Алло, слушаю.

– Это я тебя слушаю, Амир. Как у нас дела?

– Добрый день, мистер Поль. Мне только что сообщили, что друг наших друзей уже отправился на площадь, чтобы занять там удобное место. Наш непосредственный контактер с Агджой передал через Алима, что все идет по плану. Али Агджа полностью убежден, что его объект является врагом мусульманского мира, но объекту, мол, нужно дать шанс на исправление, чтобы он пересмотрел свои взгляды. И поэтому акцию не надо доводить до полного финала. Агджа уверен, что именно так будет лучше для всего мусульманского мира – и потому Аллах ему велит сделать это.

– Хорошо, Амир. Я тебя понял. Мои люди проконтроли-

руют ситуацию. А теперь тебе пора перебраться на объект Б и ждать там моей команды. Ты помнишь, что нужно сделать потом?

– Конечно, мистер Поль. Конечно. Как только Алим вернется на объект Б, я перережу ниточку и сразу же сообщу по номеру телефона, который вы мне назвали.

– И еще. Ты помнишь, что только после того как ты окончательно перережешь последнюю ниточку, от меня приедет человек и сообщит тебе код банковской ячейки, где лежат твои деньги.

– Да, босс. Я все понял. Спасибо, вам за все.

Поль Морель двинулся по направлению к площади Святого Петра, где уже собирались тысячи горожан и гостей Великого города, чтобы увидеть и услышать Папу Римского Иоанна Павла Второго. С каждой минутой толпа становилась все плотнее, окружая с обеих сторон медленно идущего Мореля. Когда до величественной колоннады собора Святого Петра оставались последние пятьдесят метров, почти вплотную к Полю прошел невысокий карабинер²⁸, легко раздвигая плечом толпу верующих. Приблизившись к Полю, он тихо шепнул:

– Я проводник. Следуйте за мной. Проведу поближе к месту.

И он пошел чуть впереди Мореля, привычными движениями бороздя людское море.

²⁸ Карабинеры (*итал.* Carabinieri) – национальная военная полиция.

Это был один из приближенных людей «Коза Ностры», который получил задание провести в центр площади неведомого ему француза – важного коммерсанта и друга мафии, мечтающего поближе рассмотреть Римского Папу.

Свернув на площадь, Морель и его сопровождающий увидели великое множество людей, собравшихся в ожидании появления понтифика. Толпа напоминала гигантский муравейник – его жители постоянно передвигались в поисках места поближе к барьеру, мимо которого должен был проехать Иоанн Павел, высоко поднимали детей, чтобы те запомнили этот солнечный день и рассказали о нем своим потомкам.

С помощью агрессивного проводника-карабинера Поль Морель добрался к тому самому месту, которое он заметил, еще готовя операцию. Барьер, отделяющий толпу от предполагаемого маршрута Папы, находился всего в нескольких метрах от француза. Проводник незаметно растворился среди сотен карабинеров, курсирующих по площади, и Морель сразу почувствовал напор толпы, заполнившей гигантское блюдо площади Святого Петра.

Рассматривая пеструю шумящую публику, он в очередной раз испытывал странное ощущение – перед каждой значительной операцией в самые последние часы нервное напряжение отпускало, превращаясь в то чувство, которое звенит в голове игрока, точно знающего, что у него на руках уже флеш-рояль. Легкое покалывание в кончиках пальцев, наслаждение каждым движением нежного ветерка, каждым

лучом майского солнца. Все сомнения растворились, куда-то исчезли страхи перед любыми неточностями и ненадежностью человеческого фактора. Сложнейшие детали пазла легко вошли в нужные пустоты и оказались там, где пожелал Поль Морель. Он знал – все будет хорошо.

Повернувшись чуть левее, Морель увидел в нескольких метрах от себя худощавого черноволосого с синевой плохо выбритых щек мусульманина, похожего на турка, чей неподвижный взгляд не отрывался от Колокольной арки, откуда должен был появиться папамобиль Понтифика. Несмотря на легкие порывы ветра и солнце, ушедшее в сторону, лицо мусульманина было покрыто мелкими каплями пота, которые медленно сползали по небритым щекам, напоминая слезы. На него никто не обращал внимания. Все ждали появления Его Святейшества, и никого не интересовал странный маленький турок, оказавшийся почти возле самого барьера, мимо которого должен с минуты на минуту проехать автомобиль Папы.

Но Поль сразу же узнал 23-летнего Мехмеда Али Агджу²⁹, которого не раз видел на фотографиях, изучал его досье, биографию и даже пару месяцев назад дал задание составить психологический портрет Агджи – участника националистического движения «Серые волки», фанатика и убийцы.

²⁹ Мехмет Али Агджа (*тур.* Mehmet Ali Ağca) – член террористической группировки «Серые волки», религиозный фанатик, покушавшийся на Папу Римского.

И как бы удивился сам Али Агджа, если бы знал, что стоящий чуть позади высокий мужчина средних лет с очень странными, горящими изнутри глазами несколько месяцев назад выбрал именно его из десятка кандидатов для участия в «операции». И именно этот человек дал команду начать идеологическую обработку и подготовку Агджи. Сначала в Турции, потом в Болгарии, а позже в Риме, да еще и заплатил за это огромные деньги. Разумеется, через сложную цепочку доверенных лиц и посредников.

Сколько же усилий стоило специалистам убедить фанатичного Али Агджу в том, что понтифик должен выжить, возможно, оставшись инвалидом. Кровавое покушение станет ему уроком. Таким уроком, чтобы глава Католической церкви понял все свои ошибки и неправильные шаги в отношении правоверных. А сам Агджа тогда станет мучеником. Разумеется, во имя Аллаха.

Размышления Мореля, глядевшего на мусульманина, прервал рев толпы, приветствующей папу, чья машина медленно выехала из-под Колокольной арки и двинулась вдоль барьера, часто останавливаясь. Иоанн Павел II благословлял детей, которых ему протягивали из-за ограждения, с кем-то перекидывался фразами, касался ладонями больных, пожимал руки.

Гул нарастал по мере приближения процессии. Восторг громадной массы людей достиг своего апогея, вылившись в единый громкий вопль восхищения – наместник самого Гос-

пода Бога наклонялся к людям, дотрагиваясь до них, грешных, даря прощение. Прощение за все, что было. И за то, что еще будет... Перегнувшись через поручни кузова, Иоанн Павел II склонился, чтобы вернуть родителям трехлетнюю белокурую курчавую итальянку Сару Бартоли, которую он только что поднял высоко над толпой. Отдав ребенка, он погладил по головкам еще двух малышей. Папский автомобиль снова тронулся с места...

И ровно в 17 часов 19 минут испуганные голуби взлетели над площадью Святого Петра, а через долгую секунду, настолько долгую, что площадь успела затихнуть, грянули выстрелы – два вместе и через мгновение еще один.

Толпа паломников взревела. Никто, кроме стоявших рядом, не понимал, что происходит. И только Поль Морель, не изменившись в лице, спокойно наблюдал за событиями – Иоанн Павел медленно осел на руки находившихся рядом личного секретаря Станислава Дзивиша и камердинера Анджело Гугеля³⁰. Морель отчетливо увидел, что две пули точно достигли цели, а за секунду до третьего выстрела на Агджу бросились стоявшие рядом монахиня и высокий мужчина. Последняя пуля ушла в небо.

Последующие события напоминали быстро меняющиеся картинки калейдоскопа. Невесть откуда взявшиеся агенты в штатском, грубо оттолкнув Мореля и нескольких зевак, находившихся рядом с Полем, кинулись на лежащего на земле

³⁰ Анджело Гугель (Angelo Gugel) – личный камердинер Иоанна Павла II.

Агджу. Они скрутили невозмутимо молчавшего турка и сразу встали в кольцо, защищая его от ревущей толпы, желающей растерзать убийцу.

А в это время автомобиль понтифика, на котором со всех сторон висели телохранители, мчался по направлению к Ватиканскому дворцу и резко затормозил у медицинского пункта Мальтийского ордена, где, как обычно, стояла наготове реанимационная машина «скорой помощи». Через минуту «скорая» с находящимся еще в сознании Папой уже неслась в сопровождении мотоциклистов по направлению к госпиталю Джемелли, что при католическом университете Рима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.